

A watercolor illustration of a person in a dark blue silhouette standing in a landscape. The landscape is composed of various shades of green, yellow, and brown, suggesting a field or a forest. In the upper left corner, there is a circular celestial body with a mottled pattern of red, orange, and white. In the lower right corner, there is a larger circular celestial body with a similar mottled pattern, but with a prominent red and orange ring around its edge. The overall style is soft and painterly.

ВТОРАЯ ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ

РУТЕЯ

АНДРЕЙ СКОРОБОГАТОВ

16+

Андрей Скоробогатов

Рутея

«Автор»

2017

Скоробогатов А. В.

Рутея / А. В. Скоробогатов — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-95323-9

Ближний космос стал нашим, но совсем не тем способом, каким предполагали наши предки: одиннадцать новых планет из систем других звёзд дополнили Солнечную систему. Планета Рутея, 2596 год. После века колонизации и последующей изоляции Земли осиротевшие колонии управляются от Малого Средневековья. Государства людей сосуществуют на одной планете с загадочной цивилизацией амфибий Мрисса. Безработный механик ищет свой путь в бескрайних степях Рутенийской Директории и ищет пропавшую жену, ещё не подозревая, какие тайны хранит его родной мир.

ISBN 978-5-532-95323-9

© Скоробогатов А. В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Антон	12
Глава 1. Уктусская степь	12
Глава 2. Ферма	20
Глава 3. Шимак	28
Глава 4. Средополис	35
Глава 5. Монастырь	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Скоробогатов

Рутея

Пролог

Я был тогда чудовищно, неприлично молод. Я снова залез тем утром на Призму.

Мне уже прописывали за это пять часов штрафных работ, но я лез туда снова и снова. Мать запрещала мне, отец угрожал выпороть, если я снова полезу. Но я не выдерживал.

Круче всего, конечно, было залезать на самую верхотуру на закате. Жаль, что такое у меня получалось только один раз. С высоты в триста восемьдесят метров видно не только Утёс на западе вместе с пограничными батареями, но и Заповедник. Узкая полоска низких облаков в эти часы подсвечивается лучами заходящего солнца, и под ней заметно яркую, ядовито-зелёную подложку.

Никто из знакомых мне людей не был в Заповеднике, хотя он всего в пятидесяти километрах от нас. И лишь единицы в городе видели мрисса живём. Каждый новый документальный фильм про экспедицию к зеленокожим становился сенсацией и в наши дни.

В три часа дня весеннее солнце печёт, и над Заповедником видно лишь серую размытую полоску облаков.

После заката с Призмы в простой бинокль можно было разглядеть планеты системы – соседку-Землю и соседа-Дарзит. В большой телескоп, говорят, просматривалась их атмосфера и континенты. Но настолько поздно я ни разу не засиживался.

– Надо же, уже четыре века живём на одной планете, а никак не привыкнем к ним, – сказал я Тембе.

– К кому? – он выключил трансляцию.

– К мрисса.

Темба Аллейн сидел рядом со мной в укромном месте на верхнем ярусе, всего в полуметре от толстеного купольного синтостекла. Здесь не было камер, а охранные дроны сейчас появлялись очень редко – поговаривали, что они вообще сломались. Молодой иасканец был моим проводником, хотя я уже настолько хорошо выучил маршрут, что два раза залезал и без него. Мы уселись на обломки бетонных конструкций, торчащих под самым потолком, смотрели в горизонт, болтали ногами и слушали в наушниках «музыку свинца» – какого-то малоизвестного уличного музыканта из Рутении.

Пол верхнего яруса, давно заброшенного в этой части Призмы, виднелся где-то в пяти метрах внизу, а в разломанных лестничных проёмах правее нас просматривался и уровень ниже – метров тридцать, а то и сорок. Дул ветер – благодаря защитным панелям, не такой пронизывающий, как снаружи. Но выше нас в панелях были пробоины, и на сквозняке можно было легко простыть. Стекло гуляло, скрипя и прогибаясь под сильными напорами ветра.

– Мне всегда казалось, что мы живём не на краю утёса, а на берегу. Типа, там, за краем, не болота и джунгли, а какой-нибудь океан, – сказал я.

– Это да. Что бы ты сделал, если бы увидел мрисса? Я бы, не задумываясь, прикончил бы.

– Почему?

Он пожал плечами.

– Скользкие, противные. Лягушки. Правильно делают, что не суются.

– Тебе же рассказывал историк? Как-то сунулись. В Новое Средневековье. И наши, и с той стороны континента. Отхватили пару тысяч гектаров за Утёсом. И сразу землетрясения, лучевая болезнь, ураганы...

– Это всё сказки! Я думаю, это рутенийцы устроили. Проклятые полукровки...

Мне захотелось сказать что-то едкое в ответ, но я сдержался.

– Нет, не рутенийцы, чувак. Эти дикари владеют какой-то тайной. Либо их кто-то защищает.

– Вон, смотри! – Темба указал пальцем в сторону высокой батарейной башни в километрах восьми от нас. Я пригляделся – из подземных ангаров поднялся полупрозрачный шарик сферолёта и полетел в сторону города. – Дредноуты! Вот кто защищает. Нас от них! И от рутенийцев.

– Это не дредноут, это снабжение. У дредноутов под сферополем ещё и броня, они сильнее блестят на солнце. И это не они нас защищают! Это пограничники их защищают, от нас, как ты не понимаешь. Чтобы никто в Заповедник не вздумал убежать. Вот говорят, что они парализуют взглядом при встрече. А я читал, что это специальный гипноз, которым нас кто-то другой облучает, чтобы мы им не причинили вреда. Они же разумные, и охраняемый вид.

Темба нахмурился, насупился. И без того узкие глаза превратились в щёлочки.

– Да где ты этого всего нахватался?! У этих, что ли, с рутенийских каналов? Умничает он! Ботаник! Полукровка!

Я вскочил.

– Что ты сказал?!

– Что ты полукровка! По тебе же видно, что тебя мамка нагуляла на стороне! За это и отец лупит. Ты метис!

«Метис» в этих краях до сих пор считалось словом оскорбительным. Замахнулся, чтобы врезать ему в грудь или в плечо, но в последний миг одумался. Бетонная балка шириной всего сорок сантиметров, врежешь чуть сильнее – упадёт вниз и разобьётся.

На пожизненные рудники на Архипелаг я не хотел. И вид у полноватого парня был скорее беспомощно-смешной, чем агрессивный.

К тому же, как ни крути, парень был прав. Я был метисом, которых многие в наших краях, памятуя о расовых чистках при диктаторском режиме полувекковой давности, до сих пор не любили.

– Сам полукровка, слышишь! Иаски все полукровки, вы синтезированная раса. И вообще, такого народа не было на Земле. Была такая корпорация-директория – И-А-С. Индонезия, Аляска, Сингапур! Ещё Монголия, Перу и этот... Вьетнам, кажется. В вас специально намешали куча разных народов, четыре поколения скрещивали друг с другом, чтобы выживаемость повысить, и язык у вас искусственный, я читал.

– Опять он умничает! Ну, я хотя бы чистокровный иаск, а не такой, как ты. Таких, как вы, ещё век назад...

И вдруг он замер на полуслове, неподвижно вглядываясь в меня. Поднялся и смотрел на меня стеклянным взглядом.

Мне стало страшновато. Я попятился к лесенке, придерживаясь за стекло.

Дело в том, что такое уже случилось со мной – раз пять за последние недели. Люди – однокашники, продавцы, даже родители – останавливались на середине разговора и вдруг начинали на меня пялиться. Со мной и самим такое случилось один раз. Стоишь, пялишься на себя в зеркале, а внутри как будто кто-то шарится по моим мыслям.

Причём в прошлые разы, как и сейчас, это часто случалось при обсуждении каких-то политических или расовых вещей. Например, когда я заговорил про новости о таинственных исчезновениях людей из запертых квартир. Или о провалившейся четыре века назад колонизации Дарзита.

– Эй, ты чего? Что с тобой?! – крикнул я.

Это помогло, Темба моргнул и замотал головой, протёр глаза.

– Что?

– Ты как будто в транс был. А я тебе врезать хотел сначала, а потом передумал. Сва-
лишься ещё.

Темба посмотрел вниз, слегка пошатнулся, ойкнул, и сел обратно.

– Я тоже тебе врезать хотел. Ну что, мир?

– Мир, – кивнул я и тоже сел. Сначала немного посидели молча, потом я взгляделся в
горизонт и слегка толкнул приятеля в плечо: – Смотри! Вон твой дредноут, летит от Запо-
ведника. Ну правда, от кого ему там защищать? До рутенийцев пять тысяч километров через
Заповедник или через Полярный океан. Он нарушителей границы ищет. Увидит – сначала
припугнёт, а потом выжжет из импульсной пушки.

– Ты лучше давай расскажи мне, как нарушаешь границы совершеннолетия! Ну, как у
тебя там с этой инспекторшей?

По идее, от воспоминания о ней я должен был густо покраснеть, но меня бросило в холод-
ный пот. Я совсем забыл, что именно сегодня по расписанию посещение бюро труда, мене-
джера по профориентации.

Хлопнул по нагрудному карману – карту собеседований, специального девайса-доку-
мента с собой у меня не было. Как и бумажных справок, которые до сих пор, со времён Малого
Средневековья любили выдавать в разных бюрократических конторках.

– Чёрт!

Сорвался с места, прыгнул на металлическую лестницу на колонне, с неё – на пол верх-
него яруса. На руках остались ссадины, но я этого сразу не заметил. Вдоль стены пробежался
до широких ворот в соседний блок, огибая разбросанную тут и там мебель.

– Ты куда? – крикнул Темба в спину. – погоди, мне чего, одному возвращаться!

Было некогда объяснять. Я выглянул – нет ли в соседнем блоке вышедших на перекур из
единственного сохранившегося наверху помещения метеорологов. Пусто. Накинул капюшон,
включил хамелеон-модуль в куртке и нырнул в лестничный проём с отломленными перилами.
Пробежал семь пролётов вниз, встал на принесённую тумбочку и пролез в вентиляционную
камеру с раскученной решёткой. Прыгнул в коридор, приоткрыл дверь на этаж.

На четырёх этажах ниже расположились склады – бытовой техники, продовольствия.
Выход располагался в дальнем конце помещения. Теперь настал самый ответственный этап –
пройти мимо охранных дронов и не быть замеченным кладовщиками. Хамелеон-модуль мало
того, что был не армейский – самодельный, сильно просвечивающий. Мне перепаяли его за
триста шиллингов из какого-то рекламного блока. Камеры издали и дроны, по идее, куртку
в автоматическом режиме не должны зафиксировать, а вот людей вблизи не обманешь.

Пригнулся и зашагал вдоль нижнего яруса штабелей. В десятке метров зашелестел лопа-
стями дрон – я сел за ящики, перевёл дыхание, посмотрел на время в набровнике. Оставалось
сорок минут. Лишь бы не задержали, лишь бы успеть.

Через минуты две показалось, что опасность миновала. Высунулся из-за ящиков, при-
слушался. Вдали были слышны разговоры на смеси амирланского и бриззского – точнее, отчёт-
ливо слышны были только ругательства на обоих языках, а говорили, возможно, на каких-
нибудь южных наречиях. Я рванул через зал и уже подходил к служебной лестнице на нижний
уровень, как меня кто-то окликнул сзади.

– Эй! Ты откуда?

Машинально сбавил шаг, отключил хамелеон на куртке.

– Эй! Сейчас охрану позову!

– Я... Я сюда ходил на собеседование.

Я обернулся. Денниец в спецовке был на голову выше меня и лет на десять старше, отрях-
нул руки от пыли и жевал тростинку. Чёрная кожа лоснилась от пота.

– Семнадцатилетний, что ли? На собеседование, на склад! Ха! Так я тебе и поверил,
чувак. Наверх бегал, засранец, да? Ещё и куртка с какой-то фиговиной.

Я кивнул и решил взять быка за рога.

– Слушай... Проведи меня через охрану?

– Сколько дашь?

– Ну... шиллингов сорок.

– Семья небогатая, что ли? Обычно за это пару сотен предлагают. Ладно, чёрт с тобой, проведу так. Я тоже в твои годы бегал. Потому сейчас тут и работаю. Грузчиком!

Он буквально за шкирку схватил меня и потащил к выходу. И тут я вспомнил про своего приятеля.

– Я совсем забыл. Мы можем подождать моего друга? Он сейчас спускается.

– Друга? Нет уж, давай по одному. И пусть тогда уж твой приятель заплатит. За обоих. За опоздание.

В неудачное положение я попал, подумалось мне: теперь к возможному допросу на охране прибавились проблемы с Тембой. Надеюсь, удастся разобраться.

Мы спустились вниз. Совсем рядом, за стенкой на первом уровне расположился крупнейший городской рынок, плавно перетекающий в город, и его было слышно даже через пару дверей. Проводник приволок меня в будку к охраннику и буквально сунул мою голову в окошко.

– Люк, этот мелкий пришёл на собеседование в офис хозтоваров, а потом полез наш смотреть склад!

Толстяк в окне заворочался, рассеянно пробежался по записям камер наблюдения.

– Так... Я не вижу, чтобы он входил в офис. Пропуск тебе в офисе давали?

– Не-а.

– Не может быть! А карта собеседований где? А ну-ка сознавайся, наверх лазал?!

Хмурый взгляд его упёрся в меня, как вдруг охранник изменился в лице. Морщины разгладились, и он стал разглядывать меня каким-то отрешённым, даже слегка растерянным взглядом.

Точно так же, как Темба. Как зачарованный. Я посмотрел на темнокожего. Он точно так же, молча и безучастно пялился на меня.

Стало страшновато.

– Эй! Что с вами?

– Иди давай... – охранник отвернулся и упёрся взглядом в камеры.

Я кивнул очнувшемуся денщику, рванул к дверям, нажал на кнопку открытия и вылетел на улицу.

За картой собеседований нужно было ехать домой. Впереди были бризские кварталы – продолжение уличного рынка с примесью забегаловок, мордобоя в стиле капоэйро и нескончаемого уличного карнавала. Не один здравомыслящий парень не полез бы к станции трамвая через них, но это был кратчайший путь.

Я пошёл через толпу. Расталкивал жонглёров, протискивался между рядами молодых парней в широкополых шляпах, перепрыгивал через просящих милостыню нищих и расставленные прямо на тротуаре стулья уличных кафешек. Потом рванул быстрее и запрыгнул в последний момент на лоукост-трамвай. Это такая древняя беспилотная магнитотележка с перилами и без крыши на десяток человек. По этой же улице ходят и нормальные вагоны – с мягкими креслами, кондиционером и прочими удобствами, но зато в этом с моего электронного кошелька списалась всего пара шиллингов.

Наконец я сошёл на ближайшей станции, пробежал квартал, взобрался по лесенке на второй этаж нашего таунхауса и открыл дверь домой. С дверей в меня прилетела пустая пивная банка отца, приземлившись ровно около кучки таких же у входа. Сам он, развалившись в кресле, увлечённо резался в какую-то архаичную стрелялку, охватившей голограммой половину кухни.

– Малой, выброси мусор!

– Где все?

– Старшая к хахалю уехала, мать с младшей на рынке. Ты где шляется, засранец?!

Я молча рылся в вещах, пока, наконец, не нашёл карту собеседований и бумажный чек с печатью.

– Ты что, говнюк, опять на Призму полез?! Нам опять за тебя платить, да?!

Оставив риторические вопросы без ответа, я снова рванул вниз по лестнице.

К тому же, голова у меня занята была совсем другим.

Не то, чтобы я не любил своих родителей, а они не любили меня. Но семнадцать лет – непростой возраст, да и семья у меня попалась не самая благополучная. Когда-то в раннем детстве родители были успешными предпринимателями из гильдии графства, но потом дела пришли в упадок. Отец запил, старшие сёстры пошли вразнос, дом пришлось обменять на тесную конуру, а мать взваливала на меня всю тяжёлую мужскую работу.

Путь до бюро труда я пролетел на некоем автопилоте – за последние четыре месяца я научился проходить его с закрытыми глазами. Четыре квартала вниз, к речушке. Через мост. Поворот в середину квартала, в дыру в заборе – так быстрее, чем обходить с улицы, через главные ворота. Обойти старый особняк кругом. Пройти мимо толкающихся сверстников на крыльце – кто-то из них даже мог оказаться знакомым и окликнуть, но я всё равно не заметил бы этого. Максимум – машинально поздоровался бы.

Подняться на второй этаж, отметить картой собеседований, получить номер очереди и ждать...

Тут на какое-то время наваждение прошло, я огляделся и увидел, как парень с девушкой у входа в кабинет снова пристально разглядывают меня. Всё так же, странным безразличным взглядом. Так недолго и параноиком стать, подумалось мне. К тому же я начал припоминать, что читал какие-то старинные рассказы про психоиндукторов и удалённое управление сознанием человека. Но мысли быстро переключились обратно, и скоро дверь распахнулась, и я оказался лицом к лицу со своей главной радостью и главным страхом последних месяцев.

Эта история стара как мир. Когда тебе семнадцать, и у тебя нет ни нормальной работы, ни образования, ни своей квартиры, ни средства передвижения, то девушкам ты практически безразличен. Тебе строят глазки только лицеистки лет пятнадцати, неказистые, с ещё отсутствующей или уже испорченной фигурой, потому что у них примерно те же проблемы, что и у тебя. Пока тебе шестнадцать, вы даже можете дружить и невинно целоваться в отсутствие родителей, но буквально через несколько недель всё меняется. Иметь сексуальную связь с несовершеннолетней – это уголовное преступление, за которое могут сослать разнорабочим в денныйские колонии на лет двадцать. А донести может кто угодно – друзья, соседи, родители.

Семнадцатилетние барышни в самом соку, и за ними идёт охота среди мужиков от восемнадцати до шестидесяти. Лишь единицам из них интересны ровесники, и то, они предпочитают выбрать старшего сына из богатой семьи. Что уж и говорить про симпатичных девушек чуть постарше, так и не нашедших мужчину, но упорно ждущих принца.

У парня, которому оставалось пара месяцев до семнадцатилетия, практически не было шансов ни перед ровесницами, ни перед «зрелыми» двадцатилетними барышнями.

И именно такой девушкой оказалась Лиза Далтон, младший инспектор биржи труда, взглянувшая в своё отражение в стекле. До сих пор мне сложно понять, что я нашёл в этой маленькой, склонной к полноте метиске. Возможно, пышную, волнительную грудь, взгляд на которую я мучительно старался спрятать, и которая отлично сочеталась с лёгкой застенчивостью. Эдакая отличница-домосед. Возможно, «восточный» разрез глаз, так похожий на мой, – именно за этот разрез глаз меня обзывали подкидышем.

Но, скорее всего, как я понял гораздо позже, она просто оказалась первой девушкой после лица, с которой мне пришлось близко и долго общаться. Одноклассницы у меня были никудашные, на улице и в мастерской ровесниц я почти не видел, вот и влюбился в первую сим-

патичную девицу, которая заговорила со мной по душам. Каждый инспектор на бирже труда – психолог, именно потому эту должность до сих пор выполняет человек, а не компьютерный алгоритм.

– Садитесь, Рэд, – Лиза потупила взгляд и стала листать голограммы с моим досье. – Надеюсь, вы больше не залезали на Призму? Штрафы нам очень не нужны.

– Нет, – соврал я. Врать было отвратительно, но разум возобладал.

– Вы сходили на речной порт?

– Да, – выдавил я из себя и протянул через стол бумажное заключение. – Им... не нужны стажёры.

Лиза потянулась за документом, но резкий порыв ветра из окна вырвал бумажку из моих пальцев и сдул на пол.

– Ой, – смешно сказала Лиза, и мы синхронно бросились поднимать бумажку с пола. Когда она наклонилась, я в очередной раз заглянул к ней в декольте. И густо покраснел, – потому что она заметила и застенчиво улыбнулась в ответ. Уселась обратно и демонстративно поправила платье.

– Рэд, вы мне так и не объяснили в прошлый раз, собираетесь ли вы после семнадцати-летия только работать, или пойдёте куда-то учиться?

– Пока я точно не хочу менять специальность. Родители хотят, чтобы я поступал на экономиста или юриста. Но мне больше нравятся рабочие специальности, я бы хотел пойти на сферомеханика. Вы как бы мне посоветовали, Лиза?

На самом деле, вопрос был очень важным. С каждым новым разговором о моём будущем родители занимали всё более жёсткую, даже жестокую позицию. Девушка немного опешила от неожиданного вопроса.

– Ну, я бы порекомендовала найти некоторый компромисс с родителями. Они ведь готовы оставить вас на время обучения?

– Я и сам был бы рад сбежать.

Лиза покачала головой.

– Многие так говорят. А если новая война? Лучше всего будет отсидеться здесь, у Заповедника – защищать родные края. Сюда точно никто не долетит.

Я вспыхнул.

– Если будет война, я сбегу в Заповедник! Или уйду в партизаны.

– Вы не хотите стрелять в рутенийцев?

– Ни в кого не хочу. Занимайтесь любовью, а не войной!

Как же это не к месту, как нелогично и слишком наивно это прозвучало! Я покраснел ещё сильнее, продолжая пялиться на неё. Инспектор немного заволновалась, снова поправила одежду.

– Ладно, мы отвлеклись. Вам родители хотя бы дадут стартовый капитал?

– Не знаю, я с ними не разговаривал, – я пожал плечами. – Наверное, дадут. А что, это так важно?

Голова предательски кружилась.

– Ну, разумеется. Хотя бы для успеха в обществе, начала карьеры. Да и среди девушек, в конце концов.

Я вспыхнул, кровь давила в виски.

– Да я и без наследства, и с наследством никому не нужен! Мне семнадцать, со мной никто даже не согласится погулять. Даже такой же метис, как и я. Вот вы бы... вы бы согласились, Лиза?

– Ну, я бы подумала.

В глазах побелело, мир пошёл кругом. Последнее, что я услышал, были голоса Лизы:

– Эй, что с тобой? Плохо, что ли?

И ещё чей-то голос, незнакомый, вкрадчивый и тихий, прозвучал словно внутри меня:
– Попался ты, парень, нашли мы тебя...
Как я вспомнил позже, он разговаривал по-рутенийски, но я почему-то понял его.

Часть 1. Антон

Глава I. Уктусская степь

Я вышел за ограду природного парка и зашагал через ковыль. Наверное, именно тогда и возникло чувство, что начинается новый жизненный этап. Если до этого что-то и начиналось, то не так явно, как в тот момент.

Путь через ковыльное поле Уктусской степи вызывал в душе странные чувства – щенячий, беспричинный восторг, смешанный с тревогой. Мягкие метёлки, щекочущие тыльные стороны ладоней, отдалённые крики степных маргышек, цикады, воздух, лишённый заводского смога – всё это поднимало образы из прошлого столь далёкого, что, казалось, всё это происходило в какой-то другой, прошлой жизни.

Через пару десятков шагов внимание привлёк шорох в зарослях. Сквозь травяной океан прямо навстречу мне направлялись три крупных зверя, оставлявшие след в траве. По характеру их движения я понял, что это не хищники. Но всё же смахнул с плеча импульсник, зашумел руками о траву.

– Эй! Кыш! – крикнул я зверью.

Две макушки остановились, а третья продолжила идти в мою сторону. В паре метров от меня из травы высунулась голова крупного самца тигрового гамадрила – они часто шляются вдоль троп в надежде поживиться чем-нибудь, крадут сумки. Обезьяна скалилась и негромко покрикивала, топталась на месте, то ли не желая уступать дорогу, то ли норовя запрыгнуть сзади и стянуть с меня рюкзак. Их зубы немногим уступали клыкам леопарда, и мало кто из местной фауны превосходил обезьян по проворности. Увидев, что я остановился, двое полосатых сородичей осмелели и начали обходить меня с двух сторон.

– Пошли вон! – рявкнул я и дал разряд из импульсника по траве перед самцом.

Плазменный шарик заставил гамадрила отпрыгнуть на полметра, прожигая в сочной траве дырку шириной с ладонь. Ничего, выживет. Был бы это хищник, я бы дал бы пару разрядов помощнее, и прямо в тело. Но тут пожалел – братья-приматы, пусть и двоюродные, всё-таки. Некоторые секты им даже поклоняются. Обезьяны пронзительно заверещали и бросились врассыпную, я закинул импульсник на плечо и пошёл дальше.

После обеда на привале я достал из рюкзака рулонный терминал, развернул на полянке и сверился с картой. Вдали от городов цифровые сети аппарат поймать не смог, но по спутникам успешно сориентировался. Я присвистнул от удивления – за неполные полдня я прошагал тринадцать вёрст. Получается, я шёл быстрее, чем вчера. Но до ближайшей станции сферобусов всё равно оставалось слишком много – почти двадцать вёрст. Со связью здесь по-прежнему было туго, вызывать бомбилу в такие глухие края – дело почти нереальное. Настала пора позаботиться о ночлеге, потому что ночевать в голой степи не хотелось.

Ковыльные поля были визитной карточкой Уктусской субдиректории, занимавшей почти всю южное Новоуралье. За горами, на диком юге и обжитом западе Рутенийской Директории они уступали место лиственным рощам и приморским джунглям. Восточнее, за Дальноморским перешейком, переходили в хвойно-папоротниковые леса, а затем в ядовитые болота в Заповеднике Мрисса.

Директория. Последняя директория на планете. Когда-то давно вся мировая карта, за исключением зияющей дыры Заповедника, была расчерчена всего на десяток цветов. И это были цвета Директорий – бывших космических корпораций, превратившихся не то в земные колонии основавших их народов, не то в самостоятельные государства. Последующие века превратили одни из них в Империи, другие – в федерации, третьи – раздробили на десятки враждующих между собой удельных княжеств. И только Рутения оставалась Директорией – в этом была и дань истории, и наследие политической системы.

Фауна и флора трёх северных материков Рутеи очень походила на фауну и флору северного полушария Земли. А природа двух южных материков напоминала природу земного южного материка, с его сумчатыми и эвкалиптовыми лесами. Учёные уже пять веков бились над разгадкой тайны – было ли так всегда, или после Собрания Планет загадочные Собиратели специально подогнали природные системы первой соседки землян под комфортные условия для человечества.

А что, они могли. Хотя у сторонников первой теории имелся серьёзный аргумент. История аборигенов Рутеи, зеленокожих мрисса, насчитывала десятки тысячелетий и начиналась ещё «под другим небом», как они говорили. Ни в эпосе, и в папирусных свитках этой полудикой болотной цивилизации не было ни слова о местности и животных, отличных от нынешних.

Вторая же группа учёных обращалась к философии и космогонистике. Дескать, Собиратели в две тысяча шестидесятом году новой эры вовсе не перенесли все похожие цивилизации из-под умирающих звёзд в одно место, на орбиту земного Солнца, а создали все одиннадцать планет – и их обитателей – с нуля, по земной кальке, чтобы земляне смогли их со временем колонизировать. Получается, что вся история и все воспоминания народов вымышлены, искусственны и возникла в один момент, подобно Большому Взрыву.

Имелась и третья группа – те вообще утверждали, что утерянная Земля – это вымысел, что не было никакой планеты-праматери, и люди жили на Рутее издревле. Но с ними я точно не согласен – колонизация не могла быть вымыслом, тому служили подтверждением старые фильмы, книги и тысячи земных артефактов, хранящиеся в музеях. Да и Землю видно ночью невооружённым глазом.

Историю я знал лучше своих одноклассников, но, всё же, не так хорошо, как настоящие специалисты. Винить в этом больше стоило моих учителей из интерната – историки там, все как один, были ветеранами, пили изрядно и добрым характером не отличались. Одно они мне внушили чётко – если сталкиваешься с чем-то необъяснимым, то лучше не углубляться в философию и просто воспринимать это, как есть. Но иногда я не выдерживал и задумывался – почему так?

В конце двадцать первого века земные колонисты на сферолётах осваивали три ближайшие планеты. Нашу Рутею, второй мир «против часовой стрелки» после земли Земли, третью планету – пустынный Дарзит, а также последнюю перед Землёй, одиннадцатую планету в солнечном хороводе – тропическую Хаеллу. Возможно, летали и к десятой планете – Аталавва. Но вскоре, через каких-то полвека колонизация прекратилась. Земля была изолирована, и землянам запретили межпланетные перелёты, что на старых ракетных кораблях, что на новой технологии, подаренной Собирателями – сферодвигателях. Было разрешено лишь запускать автоматические орбитальные зонды для изучения и создания карт новых планет. В общем, тридцать миллионов человек на Рутее остались предоставленным сами себе, и в планете-колонии начался феодальный период, Малое Средневековье.

Долго шло восстановление утраченного. На дворе конец двадцать шестого века, нас уже полмиллиарда, а извечный вопрос, древняя дилемма осталась. Кто мы, люди – угнетённые, доноры, поделившиеся своим солнцем с новыми Разумными и запертые теперь в резервации? Или победители, колонизаторы, которым добрые Собиратели подарили новые территории?

Ни та, ни другая крайность мне не нравилась.

* * *

«...Глупо утверждать, что Собиратели, некий сверхразум, якобы перенёсший одиннадцать чужих планет в солнечную систему, действительно существовал и существует. Их нет, как нет и других инопланетян, освоивших межпланетные перелёты. Сферодвигатель и десяток других менее значимых технологий (вакцины, фильтры, регенеранты и прочее) были «переданы людям», а в реальности преданы огласке, в момент, когда Земля находилась на грани полного вымирания. Этот факт говорит нам о существовании всемирного заговора, хранимого властями, древними орденовыми кругами, мафией, церковниками, учёными, спецслужбами, журналистами, и, разумеется, ранними космонавтами.

Неоспоримым является тот факт, что одиннадцать «новых» планет, включая нашу Рутею, существовали с самого начала существования Солнечной системы, и факт этот в течение мировой истории всеми тщательно скрывался. Данные о прогрессе технологий говорят нам, что даже в средние века на Земле вполне могли массово выпускать телескопы, блоки-

рующие или скрывающие изображение других пригодных для обитания планет, включая нашу, чтобы никто ничего не знал. Простому же человеку невооружённым глазом отличить Рутею или Хаеллу от Сириуса было сложно, практически невозможно.

Были ли остальные планеты неким «запасом» для землян на чёрный день, и власти считали, что люди не готовы их колонизировать, или в этом был какой-то хитрый замысел по дальнейшему уничтожению Земли – вопрос остаётся открытым...»

(Из каждой третьей монографии полубезумного историка по земным векам, претендующей на скандальность и сенсационность)

* * *

Конечно, настоящих воспоминаний из самого глубокого детства почти не осталось. Всё, что я запомнил о том периоде, было скорее памятью о пересказах матери и десятком кадров, удивительно ярко запечатлённых в детской памяти. В полтора года – намного позже, чем обычно это бывает – у меня развилась грыжа. Болезнь, которую умели легко лечить ещё на Земле, и тем более в Эпоху Планет, но в голодные послевоенные годы ставящая жизнь ребёнка под угрозу. Операция стоила бешеные деньги, которых не было ни у моей нищей матери, оставшейся без мужа, ни у её свекрови. Оставался один выход – идти к знахаркам.

В ту пору власти Уктусской субдиректории знахарство ещё не прижали, и отыскать практикующую старуху-знахарку в полумиллионном Средополисе, столице Новоуралья, не составило труда. Ехать, правда, пришлось на самую окраину, туда, где городские многоэтажки постепенно растворяются в сельских домишках и фермерских хозяйствах. Я помню, как мы проезжали на сферобусе поле, сверкающее серебристым ковылём – пожалуй, именно тогда я его и увидел впервые. Потом меня несли на руках – то ли мать, то ли бабушка. Мимо мелькали разноцветные деревянные домишки, по улочкам бегала домашняя птица, ездили допотопные бензиновые мотоциклы, и после бетонных джунглей всё это казалось удивительно новым и странным.

Потом мы вошли в избу. Знахарка – сухая, почти столетняя старуха, годящаяся моей бабушке в матери, велела раздеть меня и поставила на деревянные полаты. Разбила яйцо перепёлки и стала мазать вокруг пупка, нашёптывая какие-то слова. Позже я допытывался у матери, что читала старуха – с одинаковым успехом это могли быть и заговоры язычников, и «программы» психоиндукторов, и молитвы всех трёх десятков единобожников, чьи церкви были разрешены в субдиректории. Мать не помнила подробностей, сказала лишь, что родная бабушка моя стояла рядом и морщилась, чуть не плевалась. Прирождённая технократка и атеистка, всю жизнь проработавшая на заводах Средополиса, она не верила в успех процесса и согласилась помочь лишь за неимением лучших средств. А вот мама, похоже, верила – так могут верить в сверхъестественное только любящие матери. Потому, возможно, и помогло.

Потом старуха-знахарка вытирала желток метёлкой ковыля, смоченной в воде, и улыбалась. Лица её, конечно, я не запомнил, но то, что она улыбалась, не сомневаюсь. Говорила, что я особенный ребёнок, и что у меня великое будущее – в общем, обычную чушь, которую говорят про детей добрые знахарки. Спрашивала про отца, кем был, где сейчас. Если бы кто знал – он без вести пропал через полгода после моего рождения.

Ковыль... Я помню, как спустя десять лет хоронили в степном кладбище мою бабушку. Ковыль беззвучно качался на ветру, ветер гнал по бескрайнему степному морю волны. Тогда я, как и многие мальчишки, грезил Землёй, читал легенды и то небольшое, что говорило правду. В одной из книг говорилось, что там, на Земле, тоже рос ковыль, точно такой же пушистый и мягкий, только несъедобный и короткий, как подорожник. Помню, на тех похоронах я впервые почему-то подумал, как похожи метёлки нашего, рутеевского ковыля, на мои волосы – такие

же густые и тёмно-русые. Пастырь пел какую-то долгую заунывную молитву, а мне стало не по себе – и от скорби родных, и от странных песен, и от детского непонимания (зачем священнику отпевать атеистку?), и от сказочного ковыльного поля.

Мысли привычным образом пошли дальше, к следующему моменту, связанному с ковылём. Ирена, моя первая жена. Нам двадцать два года, мы только познакомились и ещё не женаты. Бежим через степь, смеясь, падаем на мягкие колосья в объятия друг друга... У меня слишком хорошая память, чтобы я смог это забыть, но нет. Это лучше не вспоминать.

По крайней мере, пока.

В общем, я прервал воспоминания и поднялся. Пересёк ещё один участок поля и вышел на просёлочную дорогу, засунув в уши наушники и запустив классическую «музыку серебра». В половину громкости, разумеется – на полную громкость, заглушая внешние шумы, слушать было опасно. Гиен и леопардов в местных степях истребили ещё пару веков назад, но не быть готовым к встрече с шакалами и скальным медведем, даже при наличии импульсного ружья, вовсе не хотелось. Да и хорзи, одичавшие степные барсуки, не очень-то приятные встречные.

Раз есть дорога, значит, есть гужевой транспорт, значит, впереди фермерское хозяйство. Оно и было на карте – правда, не названное, обозначенное серым прямоугольником и пометкой «жилое строение».

Спустя минут сорок после привала солнце закрыла тень лёгкого сферолёта. Я вздрогнул и обернулся, готовясь достать ружьё, но тут же успокоился. Лёгкий патрульщик пограничников субдиректории – это намного лучше, чем банды южных конзанцев, иногда пересекающих границу. Трёхметровая сине-белая машина, окутанная полупрозрачным фиолетовым сиянием, проплыла над полем и стала осторожно садиться на дорогу. В воздухе почувствовался лёгкий запах озона. Наконец круглое днище коснулось дороги, сферополе погасло, и машина, качнувшись, выбросила шасси с небольшими колёсами. Я выключил музыку, сбросил с плеч рюкзак и подошёл ближе. Всего в машине было двое: молодой лейтенант и усатый пилот постарше – не то сержант, не то старшина.

– Документы! – крикнул, спрыгивая с заднего сиденья, лейтенант.

Росту он был почти моего, может, чуть ниже. Его кираса из металлопластика с гербом трёхглавого лебедя сверкнула на солнце. Третье сиденье вверху пустовало, нижние, зарешёченные, для арестованных – тоже. Пилот достал импульсный пистолет и остался сидеть на месте, в самом центре аппарата.

Я достал старый УНИ – универсальный носитель информации, вставленный в рамочку и переделанный под карту документов. Пограничник коснулся ридером.

– Антон ЭтОллин, сорок три года, – сказал он с ударением на «о» и тут же переспросил: – или ЭтоллИн?

– На «о», – кивнул я. – Есть такая маленькая страна на западном побережье – Этолла...

– Знаю, – немного резко прервал лейтенант, читая дальше анкету. – Лицензия на оружие... Вы охотник?

– Я батрак. Механик. Иду к новому месту работы.

Лейтенант посмотрел на меня и насторожился.

– Бездомный?

– Ну, почему же. Есть квартира в Средополисе, только вот работы для меня там нет. Я механик-самоучка, без позднего образования. Последние четыре года работал в посёлке Александрит-пять, это тридцать вёрст отсюда. Платили хорошо, но надоело сидеть взаперти. Ищу новое место.

– Но написано, что бездомный... Хотите вернуться в Средополис?

– Нет, хочу на восток. Не люблю большие города.

– Вы не выглядите на сорок три, – лейтенант пристально рассматривал меня, словно стараясь поймать на неверной мимической реакции. – Вам от силы двадцать пять – двадцать семь. Делали пластику, генную корректировку?

Я вздохнул, потому что мне надоело отвечать на этот вопрос.

– Врождённая особенность. На том же УНИ есть данные. Мой отец, без вести пропавший, если верить матери, в шестьдесят выглядел на тридцать. Сейчас, наверное, выглядит на сорок, если жив. Феномен подкидышей, может, знаете.

– Хм. Слышал. Но раньше не встречал.

Погранец изменился в лице, и я понял, что он начинает мне верить. Наконец-то представился:

– Да, пограничная служба субдиректории, лейтенант Хордин. Нехорошо вот так просто ходить пешком через природный парк. Пожалуй, лет пятнадцать назад я бы вас арестовал за бродяжничество, но сейчас такой статьи в кодексе нет. Может, вас подбросить до ближайшей заправки?

Я подумал и кивнул, доставая кошелёк. По сути, это даже не являлось взяткой – давать небольшую денюгу всем подвозившим было данью древним традициям, и многие даже верили, что это приносит счастье. Я достал пластиковую монету в двадцать пять рутен.

– Достаточно?

– Что вы! Я на работе. Подвезу так, здесь недалеко.

– Спасибо!

Действительно, пограничники – не самые плохие попутчики. Я подхватил рюкзак и залез на верхнее сиденье машины. Пилот убрал пистолет, неодобрительно взглянул на напарника и перчаткой активировал сферополе.

* * *

Снова запахло озоном, стало тихо, а пространство внутри сферы изолировалось от внешнего мира тонкой плазменной оболочкой, струящейся от центрального обруча к двум «полюсам» сферы. Сферолёт медленно поплыл в изменившемся гравитационном поле вверх, по широкой параболе, разворачиваясь вокруг оси.

– Мы на юг, вам точно по дороге? – спросил севший рядом лейтенант.

– Мне надо в Шимак. Оттуда я на сферобусе или на поезде подамся через перешеек.

– О, на Дикий Восток, поближе к Мриссе? Не бойтесь?

– Он уже давно не такой дикий. А вы что, ищите кого-то? – рискнул спросить я.

Хордин кивнул.

– Прочёсываем район. Из Тавданской трудовой колонии сбежали три каторжника-конзанца с оружием. Скорее всего, они пошли на север, в Новоуральскую субдиректорию. Но, на всякий случай, надо прочесать ближайшие фермы. Уже три просмотрели, на нашем участке осталось две.

– Сбежали? – я сильно удивился. – Им разве сейчас не вправляют мозги?

– Вправляют. Но визио-программатор действует на психику по-разному. На кого-то, видимо, плохо действует. И есть способы снять блокаду и выправить мозги обратно. Очень похоже, что им помогли сбежать...

Ковыльные луга скоро сменились тростниковыми полями. Через минут семь стало душно и заметно теплее. Аппарат медленно начал набирать высоту – время до рекреации двигателя уменьшалось.

– Что-то короткие циклы у двигателя. Старый аппарат?

– Не то, чтобы совсем, но старый, – недовольно сказал пилот. У него был явный западный акцент. – Перекрашенный. Новые последние годы только центральным дают, да тем, что в Заповеднике.

– На хлорофилле?

– На нём... Всё, пора, рекреация!

Аппарат развернуло лицом к земле. Я прижался к креслу. Сферополе погасло, и аппарат рухнул вниз. Заложило в ушах. Свободное падение продолжалось пару секунд, затем сработал датчик, и двигатель снова заработал.

Сферодвигатели быстро нагреваются, а кислород в изолированной воздушной среде быстро истощается. Именно поэтому все небольшие аппараты надо «продувать», чтобы дать двигателю остыть, а воздуху поменяться. Аппараты покрупнее оборудуются хитрыми системами вентиляции, фреоновыми установками и даже компенсирующими ракетными движками, чтобы сделать рекреацию максимально удобной для пассажиров. Небольшие аппараты, вроде патрульных пограничных сферолётов, лишены подобных удобств, поэтому приходится терпеть.

– Служили? – спросил Хордин.

– Да, – поморщился я. – Югрось. В анархистов стрелял.

Не люблю это вспоминать. Именно во время той войны я потерял семью – первая жена пропала без вести. Я даже не знал, родился ли у меня ребёнок, и какого он был пола.

– Не самая славная страница истории, – кивнул пилот.

– Обидно! – Хордин оживился, похоже, эта тема его волновала. – Мы, рутенийцы, должны быть едины. Ведь мы же одна нация. Эта планета наша. А тут – границы какие-то. Уже второй раз отделяются.

В другой бы ситуации я возразил. О каких русских могла идти речь, когда первыми жителями Рутенийской Директории были колонисты из десятка стран земной Европы, Азии и даже Латинской Америки? Конечно, мы были единственным государством, пережившим «Малое Мредневековье», и многое из культуры живо и теперь. Но за четыре с лишним века всё перемешалось. Мы не славяне, а метисы, разноцветные и разноволосые. Даже я, троечник по древней истории, это хорошо понимал, глядя на своё отражение и сверяя его с фотографиями древних земель. Слишком смуглокожий, не похож, не чистокровный. То ли дело «генетически чистые» деннийцы или амирланцы...

Язык прямо-таки зачесался сказать что-то едкое. Но спорить на национальную тему с сотрудниками правопорядка я не рискнул, хмуро ответил «угу». Парня тем временем несло.

– Вот я – младший сын в семье, мой отец воевал в мировой войне. Говорил – это была великая война, почти такая же, как вторая и третья мировые на Земле. Да, мы проиграли, амирланцы победили, но без такой войны мы никогда бы не сплотились, не сохранились как народ! Как крупнейшее человеческое государство на планете!

– Не крупнейшее, – не выдержал я. – Амирлания с колониями больше нас по населению. И Бриззская империя с Новой Персией в спину дышат.

– Ну и что? По площади – крупнейшее. А без колоний мы больше их континентальной части! И у нас тоже есть семь колоний в южном полушарии. И соседний Конзатан тоже, он же ассоциированное государство. Вместе с ними мы до сих пор крупнейшие! Сто семь миллионов!

– Угу, – повторил я, внутренне усмехнувшись. Мальчишка, ему нет и двадцати пяти. Максималист. Я даже удивился, как его с такими взглядами держат на службе.

– Ведь мы же до сих пор не изменили форму правления. У всех соседей деградация, вернулись всякие древние королевства, республики, княжества, федерации. Тьфу! А у нас – Директория!

– Ты помолчишь, Стас, может быть? – сказал пилот.

Прозвучало бесцеремонно – пилот был младше по званию, но лейтенант заткнулся. К счастью, дальше мы летели молча. Терпеть не могу трёп на политические темы с незнакомыми людьми.

Глава 2. Ферма

Всего же путь до фермы занял всего двадцать минут – чуть меньше трёх рекреаций.

Фермерское хозяйство оказалось небольшим – скромная двухэтажная усадьба, гаражи для агротехники, пара производственных построек непонятного назначения и большой коровник. На полянке для посадки резвилась небольшая стайка мохнатых степных мартышек, увидев приближающийся сферолёт, они испуганно убежали в сторону плодовых кустарников. За последний век, когда технология сферодвигателей была восстановлена, смыслёное зверье научилось не попадать под «киль» летающей техники – сила отталкивания у поля была достаточной, чтобы переломать хрупкие кости обезьянок. Вдалеке паслась стреноженная лошадь.

Хозяин фермы, слегка полноватый старик в потёртой кожаной безрукавке, вышел на крыльцо с импульсным ружьём – таким же «Христофом-35», как у меня. Следом из дома с негромким рывканьем выбежал ручной хорзь – я чуть не принял бурого зверя за средних размеров собаку. Этого родича земных кунных, как и степных павианов, смогли одомашнить только в Новоуральи – своего рода маленькая региональная гордость.

– Доброго неба, солдатики, – хриплым баритоном приветствовал хозяин. – Стас, кого ты к нам привёз? Чего пожаловал?

– Добрый день, старик, – пограниц, похоже, фермера знал давно. – Во-первых, нужно заправится. Биотопливо на исходе. Во-вторых, дружба-дружбой, а служба-службой – велено обыскать. Формально, конечно, в вас я верю, вы никого укрывать не станете. Ищем беглых каторжников.

– Слышал в новостях... – кивнул старик. – А парень-то чего?

На середине фразы он замер и очень странно стал сверлить меня взглядом. Мне не нравилось, когда люди так делали. В последнее время мне казалось, что это происходит всё чаще и чаще. Вспомнились старые фильмы про гипнотизёров-психоиндукторов, превращающих при помощи одного взгляда человека в зомби.

– Вам не нужен механик? – предложил Стас. – Батрак. Поручиться не могу, но он только что освободился из кабалы в Александрите-пять, а там бы ненадёжных держать не стали.

В другое время я бы мог поблагодарить лейтенанта за такую рекомендацию, но оставаться на местной ферме мне вовсе не хотелось. Я твёрдо решил уехать из Уктусской субдиректории на восток. Домашний хорзь подошёл ко мне и стал обнюхивать ноги. Крохотные глазёнки на полосатой голове смотрели доверчиво, почти по-собачьи.

– Хм, – фермер насупился. – Техники у нас не так много, почти вся новая, да я и сам хороший механик. Сынишка неплохо понимает. Постоянный механик нам за ненадобностью. Нам бы в коровник оператором, но вы туда вряд ли согласитесь. Как звать?

– Антон, – представился я. – Мне бы только переночевать, честно говоря. К вам же летают курьеры? Я бы попросился с ближайшим до Шимака.

Курьеры к ним летали раз в сутки или двое, утром. Переночевать меня пустили, взамен попросили помочь по хозяйству. В усадьбе, помимо фермера, жили ещё восемь человек. Супруга – моложавая, восточных кровей, сын лет пятнадцати, двадцатилетняя дочь, четыре батрака-конзанца и круглолицая кухарка-иасканка. Дочь с кухаркой тут же принялись строить мне глазки и говорить с матерью с северным акцентом, на манер киношных дворянских родов. Подобное, конечно, льстит, но моя внешность обманчива. Как только девушки узнают, что мне уже сорок, интерес к батраку-скитальцу заметно угасает.

Да и мне, признаться, зрелые женщины более интересны.

Накормили за общим столом хорошим наваристым борщом и ковыльниковым хлебом. По такой еде я к тому времени изрядно соскучился. Вторая моя супруга, с которой я три года прожил в Александрите-пять, готовила из рук вон плохо, но когда она сбежала из нашего

закрытого посёлка с первым попавшимся моряком, со столовской едой стало ещё хуже. Тарелка деревенского борща показалась сказочным блюдом, достойным стола божественных Собирателей. А сливовое варенье с душистым чаем на десерт было лучше любых синтетических сладостей.

Погранцы тем временем закончили обыск, заправились биотопливом, распрощались и улетели, а мы с фермером – его звали Радмир – отправились смотреть сферогенератор. Устройство у таких штуковин простое – миниатюрный сферодвигатель, прикрепленный тросами и системой блоков к ротору, движется по заданной программе вверх-вниз, или вправо-влево, как маятник. Из-за свойств сферополя тросы периодически перетирались, и их регулярно приходилось сдвигать, менять и перевязывать. Потому такие приспособы уже почти не использовали даже в глубинке, предпочитая добывать электричество более древними и надёжными способами – от топливных элементов, ветряками и даже дизелями. Но на этой стоял сферогенератор, который, похоже, принадлежал ещё деду Радмира и от того исправной работой не отличался – отключался на рекреацию вдвое раньше обычного времени и сильно дымил.

Сын Радмира, Артём, оказался среднего роста – метр восемьдесят, не больше, но не по годам широкоплечий и крепкий. Сначала они вместе с отцом через радиопульт отключили сферодвигатель. Я отметил, что внутренний приёмник, который принимает сигналы управления, ни к чёрту, потому что пришлось подойти к работающей установке очень близко. Радиочастотный диапазон и без того плохо доступен изнутри сферополя.

Затем залезли наверх, спустили его с тросов и остудили. Неисправность оказалась банальной – на двух обручах из перетёртых охлаждающих трубок вытек весь хладагент, компрессор толком не работал, и в момент рекреаций аппарат не остывал. К тому же мощность поля по незнанию выставили втрое больше нужного – оттого и радиопередатчик плохо пробивал. Конечно, запасного хладагента нужного состава на ферме не оказалось, и пришлось залить потёкшие трубки гелем из собственного рюкзака. Закрепили сферодвигатель обратно, запустили, стало работать не намного лучше, но тут я развёл руками – как говорится, не волшебник. Спорить хозяева не стали.

* * *

«...И шёл двадцать первый век Эры, называемой Нашей, и была на Старой Земле Великая Зима, наступившая после извержения сотен огнедышащих гор.

В Великую Зиму ту, продолжавшуюся четыре года, на планете погибло много из рода людского, пятая часть суши стала непригодной для жизни, льды сковали море, и было плохо это; и умирали люди, треть всего населения планеты померло. И хоть сказано было: плодитесь и размножайтесь, но негде стало плодиться и размножаться, холод убивал людей и скот, и многим нечего было есть.

И наступила весна года две тысяча шестьдесят четвёртого, и яркая вспышка озарила небосвод на утренней стороне и на вечерней. И явились в тот день миру новые одиннадцать планет вокруг Солнца, и встали в круг на орбите, и стала Земля нулевой и двенадцатой планетой, по числу месяцев в году. И счастливы стали люди, ибо сказано: плодитесь и размножайтесь, и стало где плодиться и где размножаться...»

(Из первой главы каждой второй апокрифической книжонки сект эпохи Малого Средневековья)

* * *

Спать постелили на веранде, на втором этаже. Сон был неровным и неприятным. Опять, как это было со мной всегда в переломные моменты жизни, снилась Ирэна, первая супруга. Её зелёные глаза напротив моих, растворяющиеся в звёздном небе. Снилась старая карта Земли на стене в нашей квартире и какие-то огромные города из синего стекла, явно не земные и не человеческие. Проснулся, похоже, за час до полуночи. Земля – тусклый голубая точка раз в шесть меньше Лунара – зависла на западе, готовясь скрыться за горизонтом, а другая планета-сосед, утренний Дарзит на востоке ещё не взошёл.

Я поднялся и опёрся на парапет, глядя на фермерские угодья за стенкой. Из-за угла дома тускло светил фонарик генератора, где-то вдалеке небо перечеркнула трасса межконтинентального сферолёта – быстрого и очень дорогого корабля, билет на который был сравним с моим месячным жалованием.

Чуть не проронив банальное «красота!», я уже хотел лечь обратно спать, но тут моё внимание привлекли три красные точки, приближавшиеся с юго-запада. Судя по неровному движению, это были какие-то допотопные сферобайки – самые легкие летающие аппараты, рассчитанные на одного человека. Примерно в километре от дома один из шариков погас, а два других повернули немного в сторону. Почуввав неладное, я подобрал ружьё и спрыгнул по лестнице вниз. Бесцеремонно застучал в дверь спальни хозяев.

– Радмир, вставайте! К вам гости.

Разбуженный хозяин пробурчал что-то невнятное, но потом спохватился, поднялся и открыл дверь.

– Не показалось?

– Три сферобайка с юго-запада. Один упал в поле, два повернули на юг. Пограницы говорили про каких-то каторжников, вот я и подумал.

Хозяин подбежал к окну в коридоре. За окном было тихо. Из спальни выглянула заспанная жена.

– Вы зачем будите! На дежурстве Хользан, он заметит, если что.

Радмир включил ближайший настенный проектор и включил камеру.

– Хользан, ты на посту? – спросил Радмир конзанца-батрака. – Всё в порядке? Ты слышишь меня, Хользан?

В камере перед экраном было пусто, доносился храп.

– Хороший охранник, – усмехнулся я и направился к выходу. – Пойду проверю двор.

На посадочной площадке было тихо. Где-то вдалеке, за оградой на кукурузном поле виднелись сверкающие глаза каких-то мелких хищников. Я осторожно отошёл от двери и заглянул за край дома. В проезде перед гаражом и дальше, за курятниками, всё было тихо. Меня окрикнул Радмир, вышедший из дома. В его руке был «Христоф-35», вместе с фермером вышел второй конзанец – в трусах, безоружный.

– Надо проверить, там чьи-то силуэты видны. Пойдём до коровника.

– У вас что, только одно ружьё?

– У Хользана на въезде, на poste охраны второе. Ещё револьвер дедовский.

Мы миновали небольшой сад с плодовыми деревьями и подошли к производственным постройкам.

– Так дайте его коллеге! Если это каторжники, то лишним не будет.

– Раритетный! – возмутился фермер. – Ничего, в поза-том году тоже беглые наведались. Мы им отпор дали, правда их...

Договорить фермер не успел – со стороны коровника вылетел плазменный шарик и угодил в ногу батраку. Обожжённый конзанец с истошным криком повалился в траву, мы шарахнулись к стенке гаража.

– Илюмжан! – фермер попытался подтащить его в нашу сторону, но пара шаров разрядились у его ног, обжигая ступни.

Я послал очередь средней мощности выстрелов в сторону коровника. Стрельба прекратилась, лишь разбуженные бурёнки подняли гул. Мы подтащили раненого батрака к гаражу. Мышцы на его икрах были прожжены до кости, ноги выше покрывали волдыри, но он был в сознании, тихо стонал и ругался на своём наречии.

– Если у них стандартные аккумуляторы, то это был самый мощный разряд, от трёх выстрелов у них половина...

– У них наверняка армейский импульсник, там батареи раза в четыре мощнее, – покачал я головой. – Чего ты двух остальных не разбудил?

Наверняка мы оба тогда даже не заметили, что перешли на «ты».

– Откуда ж я знал! Да сейчас они наверняка уже проснутся...

– Радмир! – послышался крик жены со стороны усадьбы. – Что там?!

– Лия, не высывайся!! – прокричал фермер в ответ. – Буди рабочих!

В следующий миг над коровником медленно поднялся сферобайк. Полутораметровый аппарат двигался медленно, тяжело, и скоро я увидел, в чём дело – на тросе под ним была привязана какая-то большая тяжёлая бочка, раскачивающаяся, как маятник, под килем летающей машины. Сферополе, терявшее мощность из-за просунутого через неё троса, искрило внизу.

– Чего они делают?! – воскликнул фермер и выстрелил по байку – скорее рефлекторно, чем действительно собираясь сбить. Против сферодвигателей импульсники – что мёртвому припарки, пробить поле можно только гаубицей или телом, сопоставимым по весу с аппаратом. Вспомнив это правило, я тут же понял, что они собираются сделать.

– Стреляй в бочку! – крикнул я и начал целиться, но было уже поздно. Аппарат в этот момент уже завис над генераторной установкой, потом сидевший в сферобайке пилот отцепил трос, и бочка с грохотом свалилась на маленький сферодвигатель, который мы только что починили. Полностью сломать аппарат налётчикам не удалось – опора погнулась, в двигателе, отклонившемся в сторону, сработал датчик касания, и поле отключилось. Бочка вместе с погасшим шариком упала на землю, и из неё разлилось то ли масло, то ли бензин. В аккумуляторах установки ещё оставался заряд, но заворчала сирена неисправности, освещение везде переключилось на резервную схему.

Сферобайк тем временем из-за потери массы резко отлетел вверх, затем повернул к дому и прилетел к крыше дома ровно над тем местом на веранде, на котором я спал. Что было дальше – непонятно, из-под гаражного козырька высываться не хотелось.

– Лия! – фермер не выдержал и рванул к усадьбе.

Я прикрыл его, стрельнув пару раз по коровнику. Оттуда послышался выкрик и выстрелы – более громкие, похожие на автоматные. У них есть огнестрелы? Значит, пока туда лучше не соваться, понял я и остался сидеть с раненым, оттащив его под навес.

– Тебя зовут Антон? – зачем-то спросил он. Он был почти ровесник со мной, но выглядел, как и большинство, старше меня.

– Да. Лежи спокойно.

– Антон, если я помру, заberi моё жалование у Радмира... Чтобы не присвоил. Отдай их Хользану, или кому из наших, они передадут...

– Ты бредишь. В худшем случае – потеряешь ногу. А их сейчас научились отрацивать.

Наступила тишина, очень неприятная и волнительная. Потом у дома послышались голоса – резкие, слов я не разобрал. Сидеть и ждать у моря погоды надоело.

– Где будка, в которой сидит ваш Хользан?

– Сзади, за коровником, у выезда на дорогу. Это он сейчас стрелял...

– Так это его автомат? Чёрт, что же вы сразу не сказали!

Я осторожно вышел из-под навеса и добежал до сломанного генератора, затем осторожно, чуть ли не ползком, до сливовых деревьев.

На поляне перед домом было пятеро. На крыльце лежал Артём, сын фермера был ранен и прижимал рукой к животу перепачканную в крови тряпку. Рядом с ним сидела мать, она молча глядела в одну точку и даже не плакала, настолько была шокирована. В середине двора стоял каторжник – низкорослый, худой, в светоотражающей полосатой робе. В его руках была дочь Радмира, Марианна, заплаканная, в одной сорочке, испачканной в грязи – похоже, она пыталась убежать. Каторжник приставил к горлу жертвы нож, прикрываясь её телом, а другой рукой задира подол сорочки и безобразно щупал девушку. Иного оружия, кроме как холодного, при нём не было.

– Только тронь её, паскуда, – фермер стоял ближе всех ко мне, наставив дуло импульсного ружья на каторжника. – Я тебя этим же ножом...

– Чёрт с тобой, ничего такого мне не нужно, вот, смотри, – заявил каторжник и одёрнул подол сорочки, чуть не оборвав его. – Мы жрать хотим. И топливо нам нужно. До границы дотянуть, уж там-то я девок пощупаю. Дайте еды!

– Да чтоб я таких уродов как ты ещё кормил. Ни хрена ты не получишь! – процедил Радмир. – Живым мы тебя не отпустим. Я за сына...

Глупо. Как глупо и неразумно.

– Да я его немного совсем порезал! – с неожиданной обидой, словно школьник парировал бандит. – Нефиг было лезть!

– Радмир, отдай им всё, что просят, – сказала жена стеклянным, отстранённым голосом. – Пусть уйдут.

Кажется, меня до сих пор не заметили.

– Ну чего ты на меня пушку свою наставил! – каторжник крепче схватил Марианну. – Стрельнешь – и дочурку свою поранишь, с такого-то расстояния...

«Где батраки Радмира, чёрт возьми? – злясь, подумал я. – Струсил, прячутся?» Ведь у нас был простой численный перевес, шесть мужчин против трёх...

В этот момент с кровли дома с грохотом скатился и упал у края крыльца выключенный сферобайк, до того неустойчиво зацепившийся на козырьке. Преступник повернулся на звук. Я решил воспользоваться моментом и перебежал правее, чтобы подойти с тыла и взять вместе с Радмиром каторжника в «вилку». К тому же, не хотелось оставлять позади проезд от коровника, где прятались ещё двое подельников.

Добежать не успел – сзади послышались автоматные выстрелы и свист пуль в кронах кустов. Похоже, дошли и до Хользана. Одна из пуль обожгла плечо, но я вовремя пригнулся, и меня не задело. Парой секунд спустя в стороне коровника зажёгся шарик второго сферобайка, пролетел над домами и завис над посадочной площадкой.

Я решил не мешкать, выскочил из-за кустарника и подошёл к зависшему в двух метрах над землёй аппарату. Внутри сидел второй каторжник – старше первого, смуглый, весь в наколках и со шрамом на щеке. Главарь, почувствовал я.

Лицо его показалось неприятно похожим на моё – таким я мог стать в лет пятьдесят.

Одной рукой он держал автомат, во второй – перчатку-джойстик сферобайка. Целиться при таком раскладе он не мог. Увидев меня, он развернул аппарат ко мне лицом и опустил его ниже, зависнув в полуметре от поверхности. Его штанина была в корке запекшейся крови. Похоже, один из моих выстрелов со стороны курятника попал по ноге. Значит, будет мстить. Каторжник поставил двигатель на автопилот, перехватил автомат, нахмурился и направил дуло мне в лицо.

Выстрелил.

Пуля как в замедленной съёмке застряла в полупрозрачной пелене сферополя, а потом, сменив траекторию и потеряв скорость, упала у моих ног. Сферолёт дёрнулся назад, затем вниз – сферополе потеряло часть мощности, погасив энергию выстрела. На лице каторжника на миг отразилось недоумение, он послал ещё два выстрела, чуть выше. Одна из пуль ударила в ногу и отскочила, оставив лёгкий синяк, даже не пробив штанину. Похоже, каторжник впервые стрелял из подобного огнестрела через сферополе и понадеялся, что силы автомата хватит, чтобы пробить поле. Не хватит. Это же не ракетник и не станковый пулемёт.

Я прикинул – период рекреаций у таких машин от силы минуты три-четыре. Я поставил регулятор мощности ружья на низкий уровень и стал стрелять по сферобайку одиночными, с периодичностью в секунд десять. Убивать я его не хотел, достаточно было обжечь и оглушить. Температура внутри сферы медленно повышалась, по лбу каторжника потекли струйки пота, и он стал дышать чаще, но всё ещё держал ствол нацеленным на меня.

Скоро поле погаснет, и мой выстрел придётся по его груди. С другой стороны, во время рекреации и он мог выстрелить из огнестрела. Патовая ситуация.

– Э, парень, не дури! – послышался крик второго каторжника. – Не трожь Стояна, а то я девку... А!!

На секунду обернувшись, я увидел, как подкравшийся сзади конзанец-батрак ударил преступника по спине поленом, сбивая с ног. Лезвие ножа скользнуло по шее девушки, оставив кровавую чёрточку, одновременно с этим она освободилась от захвата и прыгнула к крыльцу. Похоже, жива.

Главарь банды нахмурился. Он остался один – третьего подельника не было слышно.

Рулевая панель между его ног замигала красным, он выругался, неудобно перехватил автомат левой рукой и воткнул пальцы в перчатку-джойстик. Аппарат дёрнулся вперёд, отталкивая меня своим полем, и свечкой взмыл вверх. Сферодвигатель наверху выключился, и аппарат стал падать вниз, но немного правее, чем я лежал. Я повалился на спину и отправил залп разрядов, но промазал – все шары попали по корпусу или распались в стороне. В ответ автоматная очередь коротко чиркнула по земле в метре от моих ног.

«Они пришли за топливом... У него скоро закончится топливо!» – промелькнула мысль. Взыграл спортивный азарт. Я быстро поднялся, продолжая посылать одиночные в сторону аппарата.

Я побежал в сторону поля. Аппарат приземлился в метре за решётчатой оградой, и двигатель снова заработал. Правда, полёт продолжался недолго – буквально через метров тридцать сферополе вспыхнуло и медленно погасло. Аппарат повалился в траву, спустя секунду после падения показалась фигура каторжника, тут же скрывшаяся в траве. Я послал пять выстрелов максимальной мощности, не надеясь попасть.

Но послышался короткий крик, трава качнулась и успокоилась. Всё.

* * *

Стали считать потери. Третьего каторжника у коровника застрелил батрак Хользан, которого, в свою очередь, убил главарь банды. Сын фермера и ещё два батрака были серьёзно ранены. Остальные – целы.

Главаря мы нашли в траве с обжаренной до костей головой.

Медицинская служба – надо отдать должное – прибыла из Шимака достаточно быстро, всего через полчаса. Пяти большим сферолётам не хватило места на посадочной площадке, и двум пришлось сесть на поле, у коровника. Первыми оказали помощь детям фермера, сына сразу увезли на операцию. Связанного живого каторжника врачи осматривать не стали, дожда-

лись прокуратора. Поняв, что выспаться мне уже не дадут, я остался ждать властей, чтобы дать показания.

Часами двумя позже, уже почти под утро, прилетели ещё два сферолёта – один с прокуратором и офицерами каторжной службы, второй с двумя репортёрами. Репортёры показались мне какими-то странными.

Сперва офицеры всё оцепили и никого не пускали – собрали всё оружие, краденые сферобайки, увели связанного беглеца и стали беседовать с очевидцами. Затем журналистов пустили. Как я не пытался укрыться от журналистов, они меня, всё же, достали. Лица своего я старался не показывать, ответил коротко, что батрак, проездом, оказал помощь при задержании. Радмира же они окружили со всех сторон. Похоже, фермер был даже немного рад этому – махал руками, водил и показывал журналистам всё. Когда они сняли, записали и спросили у хозяев всё, что было только можно, включая показатели надоев молока, сферолёт с репортёрами скрылся за горизонтом, и стало поспокойнее.

Допрос прокуратора (и двух его коллег через видео-звонок) был коротким, дела с беглыми каторжниками обычно рассматриваются в ускоренном порядке. В конце тучный подполковник сухо поблагодарил за помощь при задержании и спросил, почему я не работаю и не служу.

– Я хочу найти себе место на востоке. Устал от людей.

– Правильно. Идите на восток. На востоке не хватает пограничников, чтобы контролировать окраины. У меня есть знакомый в управлении, могу помочь устроиться на работу.

Я кивнул.

– Спасибо. У меня там тоже есть парочка знакомых, которые должны помочь устроиться на новом месте. Но от ваших рекомендаций не откажусь.

Прокураторов я немного недолюбливал, но негоже отказываться от лишних связей. Он скинул мне визитку и сказал обратиться к какому-то Тою Берингу из Сиянь-града, самого северного города на востоке.

На рассвете сферолёт с офицерами и медицинская служба с тремя трупами покинули усадьбу, и мы с фермерской парой сели позавтракать. На душе было тревожно, ели молча, словно боясь вспоминать о случившемся. Наконец Радмир сказал, словно извиняясь:

– Я вот думаю, не сболтнул ли я чего лишнего?..

– Что именно?

– Ну, репортёрам. Про то, что ты этого Стояна Сиднеина грохнул. Мало ли кем он был. Вроде, говорят, в каком-то преступном синдикате.

По спине пробежал легкий холодок. Синдикат – это плохо.

Очень плохо.

– Да уж, спасибо. Удружили ты мне.

– Ты же, вроде бы, как раз на Восток отправлялся? – спросила Лия. – Думаю, там местные бандюганы тебя не достанут.

Я раздражённо бросил ложку в тарелку.

– Синдикат – это не местные бандюганы. Синдикат – это мафия. Странно, что вас это не коснулось, говорят, они крышуют всех фермеров в этих краях. Даже в Александристе-пять, закрытом посёлке были их агенты.

– Моя старшая дочь замужем за капитаном пограничной службы. Они это знают.

– А эти, получается, не знали? – усмехнулся я, и тут же поправился. – А, они же только сбежали. В общем, надо мне отсюда убираться. Сколько мне заплатить за еду и кров?

Радмир вытаращил глаза:

– О чём ты?! Это мы тебе должны, ты нам жизнь спас.

– Ваши деньги мне не нужны. Если я бродяга, то это не значит, что я нищий, у меня приличный заработок. Так сколько?

Лия тоже нахмурилась.

– Об этом не может быть и речи. Радя, может, ты отдашь ему свой сферобайк? Он раскладной, суперлёгкий, правда, двигатель уже старый. Всё равно собирались для сына брать новый, а то он им не пользуется. Сейчас ещё и компенсацию выплатят...

Радмир оживился:

– Это мысль! Пойдём, я покажу.

Машина оказалась старой, но действительно неплохой – югросской сборки, пятьдесят шестого года выпуска, почти мой ровесник. Корпус из титана разбирался на двенадцать секторов, вместе с ними двигатель, сиденье и панель весили всего килограмм двадцать пять, не больше. В длину в сложенном положении аппарат занимал чуть больше метра, а у чехла имелось удобное колесо, позволявшее не тащить упакованный агрегат, а катить.

Перчатку-джойстик перепрошили под мои отпечатки – процесс был недолгим, а вот проверить в действии сферобайк я не успел и понадеялся на честность Радмира. В конце концов, дарёному коню в зубы не глядят, подумал я. Если чего – разберу на запчасти и продам.

Часов в девять утра прилетел курьер и бригада ремонтников. Я заплатил хозяевам за аппарат – тоже символическую сумму, «чтобы хорошо ездил», собрал вещи и распрощался с хозяевами.

В курьерском мобиле откинулся на спинку кресла и впал в полудрёму, довольный и успокоившийся. Наконец-то я снова на нужном пути, и мне почти ничего не угрожает.

Почти.

Глава 3. Шимак

Наверное, пора уже сказать пару слов о том, откуда я ушёл и куда собрался идти.

Александрит-пять – закрытый посёлок, каких что у нас, что у амирланцев наберётся по полсотни. В Соединённых Королевствах всё устроено по-другому, но закрытые города с заводами существуют точно также. Дело в том, что производство и изготовление сферодвигателей и всех сопутствующих вещей – государственная монополия и государственная тайна, как некогда это было с ядерным оружием на земле. Банановые республики вроде Ирриатана сделать сферолёты не могут. Во-первых, из-за сложности добычи материалов, во-вторых, из-за большой наукоёмкости производства. Из двух десятков государств Рутеи всего два – Рутенийская Директория и Амирлания – смогли за последний век заново открыть потерянную со времён Колонизации технологию и восстановить производство летающих машин. Теперь их три, считая отколовшуюся Югрось.

В Александрите-пять производили фреон и микрогель. На самом производстве я не работал и в цеха не заходил, но помимо завода в десяти тысячном поселении был ещё с десятков мелких контор и служб, которые нуждались в механиках и разнорабочих. Платили хорошо – в обмен на запрет в перемещении за границы поселения. Сбежать оттуда при всём желании было трудно – городок стоял на скалистой горе, а с другой стороны, был огороженный природный парк с горными львами, через который безопасно можно было проехать только на наземной машине. Для гражданских над всем парком была бесполётная зона.

Поезда и сферолёты в посёлок в обычное время ходили только грузовые, и пассажиров не брали. Два или три раза в месяц прилетал сферобус из Средополиса, привозил в буферную зону новых и забирал «освободившихся». Свой рейс после выписки я проворонил, уже освободив место в съёмной квартире, а полторы недели кантоваться в ночлежке для отъезжающих без нормального жилья не захотелось. Вот и пришлось топтать пешком по пустынной местности.

Куда я шёл? Собственно, у меня было два плана, два варианта моей следующей жизни. В первом случае я хотел уйти на дальний северо-восток, за перешеек, в Восточную или Сияньградскую субдиректорию. К мастодонтам, в самую глушь. Завести семью – может, в третий раз получится? – и прожить остаток жизни, латая старую технику и, возможно, преподавая в каком-нибудь ремесленном училище.

Но была и небольшая надежда. Была идиотская мечта, почти большое желание, не дававшее мне покоя последние два десятка лет и обострившееся после ухода второй жены.

Я хотел отыскать Ирэну, свою первую жену, которая без вести пропала во время моей службы в армии.

История с её исчезновением казалась мне тогда странной, непостижимой. Жена рано стала сиротой, и когда меня забрали стрелять в анархистов, за моей вчерашней невестой осталась присматривать моя мать. Отношения у них сложились хорошие, мать относилась к невестке, как к своей дочери, и волноваться не было причин. Но буквально спустя две недели я получил от матери письмо, в котором она писала, что обнаружила утром её комнату пустой, при этом и окна, и двери были закрыты изнутри. Я, разумеется, не поверил этому и уже хотел обвинить свою матушку в безумии, но после того, как она прислала видеосъёмку, сделанную городской охраной во время досмотра, я почти поверил. Охрана зафиксировала также повышенное содержание озона в квартире и другие странные улики – например, на полу около кровати лежала одежда и бельё так, как будто мою жену буквально выдернули из одежды. В тот же день я прочитал истории о десятках подобных исчезновениях, произошедших за последние месяцы. Возникали мысли, что её перенесли, украли или таинственные спецслужбы, или инопланетяне, владеющие телепортацией – или вообще полумифические Собиратели.

Так или иначе, боль утраты, притихшая во время службы в армии, после возвращения на гражданку разгорелась с новой силой. Несколько лет я искал её следы везде, где можно – отправлял запросы по всем иногородним цифровым сетям, вплоть до амирланских, добивался встреч со спецслужбами – всё тщетно.

Через лет десять успокоился. Появились новые знакомства, увлечения, старался выкладываться на работе – для грусти места не оставалось. Всё всплыло полтора года назад, когда отношения со второй супругой окончательно пошли наперекосяк. Я получил письмо от старого приятеля, офицера городской охраны, живущего в Дальноморске – крупнейшем городе перешейка. Он сказал, что ему попал в руки странный документ «для служебного пользования» шестнадцатилетней давности – как раз примерно того времени, когда Ирэна пропала. Там был список из трёх с половиной тысяч человек – разного возраста и национальности. Документ, многозначительно озаглавленный «переселенцы», был адресован пограничной службе Восточной субдиректории.

Ирэна Этоллина, две тысячи пятьсот шестьдесят пятого года рождения, была в этом списке на предпоследнем месте.

Куда, зачем и, главное, кто переселял этих людей, оставалось неясным – ведь обычно списки покидающих страну находятся в открытом доступе. Эмиграцией занимается сама пограничная служба, а не кто-то другой, присылающий ей письма. К тому же пограничники никогда не стали бы тайно красть человека, чтобы переселить его в другую страну – это нонсенс. Я долго пытался выбросить это из головы. Пытался убедить себя в том, что это могла быть фальшивка, что это совсем другой человек, что за столько лет всё могло поменяться, но мысль прочно засела у меня в голове и не давала покоя.

Я пытался искать данные по остальным людям из списка. Оказалось, что они тоже пропали при загадочных обстоятельствах. Когда же узы второго брака перестали меня сдерживать, а контракт закончился, я не выдержал – решил возобновить поиски и поразмыслил логически.

Пограничники, Восточная субдиректория. Если перечисленных людей тайно перемещали куда-то, то из соседних стран это могли быть Кеолра – что маловероятно, это закрытая страна, населённая потомками земных корейцев и шведов, и «Мировой Заповедник», в закрытую территорию аборигенов-мрисса. Этим же можно было объяснить и закрытость проекта. Разумеется, перемещать их могли не только в приграничные страны, но начать поиск хотелось именно с той части света, где оставался последний след.

Если бы мне ничего не удалось найти в Восточной субдиректории, то я бы направился ещё дальше. Осмотрел бы страны Левиафанового моря, Экваториальный Архипелаг, южные Бриззу и Денну. Чёрт, тогда я даже был готов уйти из ареала человеческого обитания в дикие лесные болота цивилизации «лягушкоротых». Это звучит безумно, но мне всё чаще казалось, что именно там я найду Ирэну или её следы, думал я.

* * *

«Рутенийский (или Главный Северный, Mainnorth) материк – крупнейший материк планеты Рутея. Протяжённость материка с запада на восток – 23,5 тыс. км., с севера на юг – 11 тыс. км. Площадь ок. 64,4 млн. кв.км (+2,1 млн. – острова, всего – 43 % суши планеты). Общее население (2490) – 340-360 млн. человек (включая имеющее гражданство население колоний держав с других материков), ок. 400 млн. мрисса.

Крупнейшие острова: Ванкувер (260 тыс. кв.км), Ньюфаундленд (210 тыс. кв. км), Констант (180 тыс. кв.км), Кеолра (150 тыс. кв.км), Ольхон (145 тыс. кв. км), Ямайка (142 тыс. кв. км). Также иногда к материковой зоне относят остров ("малый континент") Семдестан из Экв. Архипелага (1,1 млн. кв. км).

Крупнейшие озёра: Меомрасотал (Система озёр Мрисса, ~130 тыс. кв. км), Верхний Каспий (~110 тыс. кв.км), Байкал Северный (95 тыс. кв. км), Ладога (82 тыс. кв. км), Онега (75 тыс. кв.км), Южный Каспий (~70 тыс. кв.км).

Климат от субарктического на крайнем севере до пустынного и экваториального. Форма фауны – Северная пост-плейстоценовая.

Колонизацией материка занимались восемь земных директорий из десяти, осваивавших Рутею».

(из краткого курса географии)

* * *

Шимак, второй по величине город Уктусской субдиректории, встретил меня вонью труб медеплавильного завода, смешанной с запахами крупнейшего в субдиректории речного порта. Я всего в пятый или шестой раз посетил его, и с каждым разом городок мне нравился всё меньше и меньше. Вроде бы, и улицы здесь не были столь переполнены, как в Средополисе, и нет того столичного пафоса, свойственного всем городам-миллионникам, но уютным Шимак всё равно не назовёшь. К тому же, за последние годы в центре городка появилась парочка новомодных «башен» с зеркальной облицовкой, смотрящихся среди серых кварталов и заводских труб напыщенными франтами.

Не люблю небоскрёбы. И высоты побаиваюсь – летать мне не страшно, а вот стоять на последнем этаже такой «свечки» – бр-р.

Расплатившись с подвозившим меня курьером, я дошагал до вокзала. Опечатал там у ближайшего солдата городской охраны ружьё – в городах их полагалось упаковывать в пластиковые чехлы. Сложил рюкзак и чехол с сферобайком в камеру хранения и сходил в ближайшее конзанское кафе, которых в любом городке Уктусской субдиректории пруд-пруди. Там я заказал наваристую шурпу из баранины, плов и зелёный чай с жасмином – крепкий и душистый.

Конзанскую кухню люблю с детства. Всё же, несмотря на всю их клановую систему и склонность к криминальным делам они ещё сохранили то легендарное гостеприимство, которым славились их земные предки.

Расплатился кредитным «уником», смуглый официант заметил краем глаза фамилию на чековой бумажке и проговорил себе под нос:

– Антон Этоллин? Что-то знакомое...

Фраза официанта показалась странной, но ничего подозрительного я тогда не подумал. Подозрения возникли чуть позже, когда я допил чай, вернулся к камере хранения и заметил двух крупных парней лет двадцати, вышедших из кафе и глядящих в мою сторону. Слежка? Скорее всего, просто заинтересовались редким гостем.

Дошёл до электронной кассы и выбрал рейс на Дальнеморск. Ближайший сферобус отправлялся туда через четыре часа. Рука зависла над сенсорной кнопкой «оплатить», но неожиданно для себя я задумался. Стоит ли так быстро, поспешно бежать на восток? К тому же, ждать четыре часа, когда за тобой следят какие-то головорезы...

Прервал платёж и остановился. Вдруг захотелось домой – а настоящим домом, как ни крути, является не съёмное, а своё собственное жильё. Я решил забрать кое-какие вещи из своей квартиры, где сейчас находился квартирант, заодно проверить – всё ли с ним в порядке. В последний раз он связывался со мной ещё в Александрите-пять две недели тому назад, и с тех пор так и не отзвонился.

К тому же, квартирант был моим родственником.

За четыре года, что я просиживал за оградой посёлка, мне жутко не хватало ощущения свободного полёта. Не мешало проверить подарок Радмира в действии. Отошёл от касс и нашёл автомат с биотопливом. Потолкавшись в небольшой очереди минут пять, купил литр самого

лучшего хлорофиллового концентрата – столичного, из Скомлы, за двести рутен – после чего вышел из вокзального комплекса и осмотрелся.

Площадки для стартов у вокзала все были заняты – многие здесь пересаживались с сферо-транспорта на поезда. Я пошёл дальше по улице Уральской в сторону набережной. Через метров двадцать ко мне подбежала парочка подростков-попрошак, в одном из которых я разглядел чистокровного кеолранца – светлые волосы, узкие глаза, круглое лицо. Удивительно, что ребёнок делает в этих краях. Кеолра – изолированное государство со столицей на восточном острове и узкой полоской земель на побережье. Оттуда редко бегут, ведь по слухам, у них неплохо живётся. Впрочем, сколько разных судеб я не перевидал за свою жизнь...

Милостыню парням я дал – две пластиковых полоски по пять рутен. Даже «спасибо» не сказали.

Зато остановку я использовал как удобный повод незаметно посмотреть назад. Двое подозрительных парней переместились на улицу и курили у входа в вокзал. Похоже на преследование. Я ускорился и свернул на небольшой переулочек, где, наконец, нашёл свободную площадку для взлёта между двумя высокими тополями.

Раскладным сферобайком я пользовался третий раз в жизни, и собрать его с первого раза оказалось достаточно непросто. С радостью для себя отметил, что система охлаждения была исправной, лишь один сегмент из двенадцати немного подтекал на стыке, но его я быстро залатал.

Через минут десять я с лёгким трепетом залил топливо в бак, закрепил вещи в корзине и, защёлкнув ремень, попытался активировать двигатель. С первого раза не запустилось – вещи вывешивались за границы сферы, и потому сработал оптический датчик. Вещи подтянул, снова повёл перчаткой над панелью – со второго раза сферополе активизировалось, и аппарат приподнялся над землёй. На панели горели два красных голографических сообщения, оказывается, из шести датчиков два не работали. Хорошо хоть не нижний, и не передний – всего лишь задний и боковой, а с этих сторон касание и столкновение менее вероятны.

«Дарёному коню в зубы не глядят», – ещё раз повторил я и включил наушники плеера. Музыка серебра расслабляет.

Аккуратно поволил джойстиком – датчики работали исправно, высотомер – тоже, потому системы не позволили мне «разгуляться» на столь низкой высоте. Таймер рекреации начал отсчёт – к сожалению, срок оказался очень небольшим, всего три с половиной минуты.

Поднялся над переулочком и вылетел на оживлённую улицу. Под ногами болтались электрогрузовики и дизельные машинки всех мастей – движение в таких городках было двухярусное. В городах с небоскрёбами оно бывает трёх, четырёх и даже пятиярусным.

На перекрёстке я краем глаза заметил тех самых парней, неторопливо шедших по направлению к набережной. Один взглянул вверх, но, похоже, внимания на меня не обратил.

Вылетел на речку Шимву, также служившую транспортной артерией, и полетел вверх по течению, в сторону из города. Скорость уже достигла сотни километров в час, и я с радостью отметил про себя – стабилизация и искусственная гравитация не шалили. Это хорошо, двигатели сферолёта – это даже для меня, механика, «чёрный ящик», и отдавать их на настройку в государственные ремонтные бюро проблематично даже в таком большом городе, как Средополис. Издержки монополии и формы правления.

Ведь что, по сути, Директория? Это бывшая корпорация по управлению полётами, одна огромная организация, одно предприятие, каким оно было в начале колонизации. Каждое отдельное предприятие – это всего лишь департамент, кусочек большой структуры. Даже криминальные структуры, насколько я понимал, каким-то образом входили в эту иерархию, выполняющая роль «общественных санитаров». Департаменты могут конкурировать, могут возникать и закрываться, могут спорить и судиться между собой и начальством, но все финансовые потоки между ними управляются едиными цифровыми системами. Часть должностей – назначаемая,

часть – выборная. Но выбирается не всеми, а только частью населения – Директора обороны, например, выбирают только старшие офицеры всех видов войск, а Директора департамента образования – учителя и учёные. Нет ни партий, ни парламента, ни иной политической дребедени – только прямые выборы и единый аппарат.

Батраки вроде меня – вольнонаёмные, то есть, – выбирать могут разве что территориальных управляющих и всяких социальных работников. Мы, получается, порушенные в избирательных правах, равно как и беженцы из других стран. Досадная мелочь, по сравнению с уголовным преследованием за бродяжничество – пустяки. А лет пятнадцать назад нетрудоустроенных могли и привлечь к исправительным работам, благо, тогда я имел должность в мастерской.

Мысли о политике прервал писк приборной панели: осталось полминуты до рекреации. Я вырулил из поредевшего уже за городом транспортного потока и начал набирать высоту над холмами садоводческого хозяйства.

Рекреацию, то есть «продувку», я не люблю. Кроме того, парашютов у таких аппаратов не предусмотрено, амортизационные подушки слабые, и в случае отказа двигателя я рисковал разбиться о землю.

Двигатель погас. Секунду я двигался вперёд, потом начал падать. Аппарат перевернуло и закрутило, как щепку в водовороте. Я сполз с сиденья, ударившись об верхний обруч головой – ремень сдержал меня, и я чудом не вывалился наружу. Рекреация продолжалась считанные секунды. Когда двигатель снова включился, и аппарат завис в метрах тридцати над землёй, я оказался зависшим вверх головой с желудком, готовым вывернуться наизнанку.

Да, давно я не летал на сферобайках. Забыл – перед рекреацией в таких маленьких машинах нужно самому перевёртываться на спину, центром тяжести вниз, чтобы аппарат не начало вращать. Сам виноват.

Кое-как дотянулся до панели, повернул аппарат в нужной плоскости, растёр ушибленное место и осмотрелся. Меня развернуло лицом в обратную сторону, в сторону Шимака. Отсюда город напоминал большой пчелиный улей на пасеке, к которому со всех сторон торопились сверкающие точки трудолюбивых пчёл. Одна из точек выделилась из потока над рекой и двинулась в мою сторону.

Это был средний сферолёт – примерно такой же, в котором меня подвозили пограничники, пятиместный, только более крепкий. Аппарат приблизился и завис около меня. В нем сидели те два бритых парня с вокзала. Сидящий в кресле пилота коренастый конзанец жестом показал мне спускаться вниз и два раза качнул корпусом, мол, садись.

Хотят поговорить. А стоит ли?

Я начал снижение. Снижался медленно, поддразнивая их, потом в пяти метрах над землёй резко развернулся, выворачивая ладонь, и полетел на север.

* * *

Сначала мне показалось, что я оторвался от них, но скорость полноценного сферолёта всегда выше скорости лёгкого сферобайка, вроде моего. Спустя минуты две они настигли меня и полетели сверху, пытаюсь прижать к земле. Похоже, намерения у них более чем серьёзные.

Где-то на периферии сознания я отчаянно просчитывал варианты – что это могли быть за люди, чего им от меня надо, и что могут сделать. Вполне очевидно было, что это как-то связано с событием на ферме, но что преследователи знают об этом? Откуда знают, из новостей, так быстро?

О мафиозных синдикатах я тогда знал очень мало. Знал, что с ними безуспешно борются ещё со времён отделения Конзатана, что в Уктусской субдиректории они проросли корнями

в какие-то офицерские круги, и их «братьев» время от времени ловят и отправляют на исправительные работы, то есть на каторги.

Говорят, у них кровная месть. Говорят, они мстили даже региональным прокураторам. Я понятия не имел, кто был этот Стоян Сиднеин, которого я прикончил, и чем это может мне грозить. Может, они вовсе не собираются меня убивать, а надеются получить какую-то информацию? Мысль идиотская, но от неё становилось спокойнее.

Я уже пожалел, что не вернулся в транспортный поток – в нём бы они не стали меня преследовать столь явно, и можно было раствориться среди других сферомобилей в местах пересечений. Средополис теперь был западнее того курса, куда я направлялся, он стоял ближе к границе субдиректории, а я же ломился напрямиком на север. Через три минуты снова пришлось сделать «продувку» – рискованную и короткую, которой успели воспользоваться преследователи, тоже снизившись и почти прижав меня к земле. Во второй раз такого кручения не получилось, я быстро успел выровняться и продолжил полёт.

Под нами проносились виноградники и овощные поля, падение на такой местности в случае срабатывания датчиков касания оказалось бы не очень приятным – куда лучше падать на ровную поверхность, где поменьше острых предметов. Прямо по курсу показалось фермерское хозяйство, которому, вероятно, и принадлежали угодья – усадьба и постройки были чуть больше фермы Радмира. А левее я заметил холмистую местность, поросшую сосновым лесом, к которому вела то ли тропинка, то ли просёлочная дорога.

Я попробовал обмануть преследователей – снизил скорость в два раза, полетел медленно, словно раздумывая – садиться или нет. Они поддались и тоже замедлились, продолжая давить меня сверху. Тогда я «сыграл дурака», остановился, резко развернулся на девяносто градусов, пролетел в считанных метрах под их килем и помчался к лесу. Манёвр рискованный – издалека невозможно было разглядеть какой ширины тропинка вела в лес. Если слишком широкая – то это бессмысленно, так как они последуют за мной, если узкая... У самой опушки я снизился до каких-то пяти метров и повернулся – сферолёт сзади резко пошёл вверх, то ли набирая высоту для рекреации, то ли с целью выслеживать меня среди верхушек деревьев.

Лесная просека оказалась всего три метра в ширину – самый раз для меня, чтобы не вляпаться в ветку, но и преследователи при желании могли пролезть в этот коридор. Я снизил скорость и стал медленно лететь вперёд, поглядывая наверх и на голо-экраны заднего вида. Сначала мне показалось, что преследователи ушли. Я пролетел метров триста вперёд и сел на землю. Отдышался, выключил плеер – теперь музыка стала раздражать, а раньше выключить я не успевал – и развернул рулонный терминал. Увеличил масштаб. Соседняя ферма принадлежала какому-то Као Тхи – судя по фамилии, иаска или кеолранца. Народ обычно закрытый, могут и не пустить. Прокатился по карте немного на запад – старая дорога, как оказалось, вела к соседней деревне, но местами выходила на опушку леса, где могли настичь преследователи. Что лучше – отсидеться, подождать, пока уйдут, или сразу двинуться вперёд?

Пара минут ничего не решат, подумал я, и только вылез из сферобайка, чтобы размять затёкшие ноги и поясницу, как у въезда в лес замаячил шарик преследователей. Сферолёт двигался медленно, осторожно, чтобы не задеть соседние деревья. Будут стрелять, понял я, и поспешно залез внутрь. Буквально через метров двадцать их сферолёт сел и выключился.

– Эй, погоди, поговорить!.. – послышался голос через бортовой усилитель, концовки не слышал – включил поле и помчался вперёд.

Через пару километров я пролетел над лесным мостиком и заметил, что ручей слева разливается в небольшой пруд. За поворотом тропинку преградили три массивных тела – самка степного бизона с двумя бычками-подростками шархнулись в листву от светящегося шара. Видимо, шли на водопой. Я остановился: возникла мысль повернуть и пролететь над ручьём, но я передумал – мало ли, может, конзаны выслеживают меня сверху и снова станут преследовать на открытых пространствах. С другой стороны, где вероятность, что они не обогнали меня

и не ожидают на выходе из леса? Ситуация была патовая. Я пролетел ещё полкилометра и остановился.

Ещё раз развернул карту, посмотрел ближайшие населённые пункты. От леса до деревни ещё километра полтора через поля, за это время могут достичь. Оказаться запертым в этом лесу надолго не хотелось. Посмотрел, что дальше на севере – оказалось, в трёх километрах к северу проходит трасса, ведущая от Средополиса к портовому посёлку на побережье.

Я решил сделать ход конём. Вышел из сферобайка и начал разбирать его, чтобы пойти к сферотрассе пешком, через кустарники.

Глава 4. Средополис

Когда рядом со мной наконец-то приземлился старенький пятиметровый грузовичок с эмблемой продовольственного картеля «Рыбторг-Уктусия», я уже думал вернуться в лес и пойти вдоль трассы пешком, по опушке. Большинство междугородных трасс пыльные и лишены всякого покрытия, потому что колёсный транспорт – тракторы, бульдозеры, электробусы и тому подобное – ездят по ним в лучшем случае пару раз день. Терпение от двадцати минут стояния в пыли, под потоком сферолётов, было уже на исходе, но, всё же, моё спасение пришло.

Пилот – дружелюбный усатый парень чуть старше меня – выключил поле, открыл передний люк и спросил:

– До Средополиса или дальше?

– До Средополиса.

– Тогда бесплатно. Садись.

Несмотря на староватый вид, в салоне оказалось весьма уютно. Имелся даже удобный видеовизор – прямые передачи он, конечно, не принимал, мощности приёмника не хватало, но новости во время остановок подкачивал. Я забросил вещи, сел по левую руку от центрального кресла, пилот включил загруженную трансляцию и запустил автопилот. Сферолёт поднялся выше над землёй, и, найдя «окно» между летящими машинами, вошёл в поток.

По визору сначала показывали концовку какого-то старого фильма, про войну с Амирланией. Через десять минут – в аккурат после первой рекреации – фильм закончился, и начались новости.

– На юге Уктусской Субдиректории по-прежнему беспокойно, – вещала ведущая. – Банда сбежавших заключённых, один из которых – бывший главарь конзанского преступного синдиката «Степные волки», осуждённый на тридцать лет исправительных работ, совершила налёт на ферму Радмира Ксандрина. В перестрелке погиб наёмный рабочий хозяина фермы и батрак Антон Этоллин, возвращавшийся с заработков.

– Хе-х! Так и знал, что напугают! – усмехнулся я, но от следующего кадра мне стало не до смеху.

– ...Двое беглецов были ранены, один погиб до приезда спасателей. Главарю банды удалось скрыться, если вам что-то известно о его местонахождении – просьба сообщить в ближайшее отделение городской охраны, за него властями обещано вознаграждение...

На экране появилась моя фотография, сделанная репортёрами на ферме Радмира, с подписью «Стоян Сиднеин». На щеке был шрам.

В следующую секунду в свободной руке пилота оказался компактный парализатор. Меня спасли мои рефлексы, выработанные ещё с гражданской войны – я перехватил запястье его руки, занесённой для выстрела, второй рукой схватил за горло и придавил к сиденью. Азарт и предчувствие лёгкой наживы в глазах усача сменилось гримасой ужаса.

– Положи оружие обратно, – сказал я максимально спокойным тоном. – Это ошибка, я не беглый каторжник, я тот самый убитый батрак, возвращавшийся с фермы. Это какие-то игры.

– У меня... дети... – проговорил пилот. Бортовая система тем временем замигала разными огнями и засигналила об окончании автопилотной зоны – мы приближались к пригороду Средополиса.

От фразы мне стало почему-то смешно. Дети у него! Только что пытался меня парализовать, а теперь сам почувствовал себя жертвой. Я отпустил хватку.

– Да не собираюсь я тебя убивать!

– Не врешь?

– Не вру. Хочешь, документы покажу. Меня зовут Антон. Видишь – у меня нет никакого шрама на щеке! А тебя?

– Серафим, – водила, похоже, поверил мне и несмело убрал парализатор. – А чего они тогда говорят?

– Это ошибка. Чья – не знаю.

– А ну, покажи документы, – попросил водитель.

Я полез за УНИ-ком и вставил в бортовой считыватель.

– Антон Этоллин, погиб... восемь часов назад, – прочитал Серафим. – Ха, первый раз говорю с мертвяком! Но там же тоже твоя фотография была?

– Была. Они меня снимали как свидетеля происшествия. А теперь я, получается, преступник!

– Хм. Может, это журналисты гонятся за сенсациями? Специально смонтировали?

– Наверняка. В последнее время они совсем отбились от рук. Не власти же это придумали?.. – сказал я и осёкся. А что если это действительно нужно властям? – Стоп, а почему тогда я уже числюсь погибшим? Почему меня стёрли из баз?

– Ты меня спрашиваешь? – усмехнулся Серафим. – Пойди в службу регистрации, да спроси. У нас скоро опять рекреация, пристегнись.

Я кивнул. Похоже, другого выбора не было.

Мы присели у обочины, и тут же зашумели многочисленные кулеры, охлаждавшие обручи сферолёта. Помимо обычных рекреаций, которые здесь более короткие, у грузовиков и у сферобусов предусмотрены большие, с остановками. Всё же, чем больше диаметр машины, тем обычно она сложнее она и удобнее.

Через полчаса город начал медленно вырастать из-под горизонта. Хоть я и не особо любил мегаполисы, мне всегда нравилось наблюдать этот процесс. Сначала над степью показались верхушки двух восточных трансляционных вышек, несколькими секундами позднее – верхушки двух западных, ограничивающих центральный район. Потом между ними вырос массив из старых зелёных небоскрёбов, стеной понимавшихся над домами пониже, а сбоку, севернее и южнее, проступили очертания заводских районов, построенных позднее, уже в этом веке.

Средополис спроектировали ещё на Земле, в отличие от хаотично строившейся Скомлы или портового Рутенграда, третий город страны имел идеально-квадратную планировку, подобно древним земным городам. Лишь посетив столицу, я понял, насколько это удобно – названия имели лишь центральные проспекты, а остальные улицы были просто пронумерованы, так, что заблудиться мог только умственно отсталый.

Трасса меж тем сужалась в узкую горловину, по бокам которой были установлены массивные бетонные столбы – говорят, их ставили ещё в Мировую, чтобы в случае нападения с моря опрокинуть на дорогу и предотвратить нападение амирланских войск. Сферолёты тогда так массово не летали, все боялись танков. Но не пришлось – война до Уктусской Субдиректории не дошла, а столбы вместе с оборонительными валами вокруг крупных городов так и остались стоять посреди ковыльных степей.

– Что везёшь-то? – спросил я.

– А что из порта можно везти? Рыбу, кальмаров. Я сейчас на южную продовольственную базу, на Девятнадцатом Горизонтальном. Через центр не поеду, там больше четырёх метров нельзя. Тебя где посадить?

Я задумался. Идти сразу в квартиру, или сначала попытаться разобраться с ошибкой в базе данных? Разум подсказывал второе, потому что этот вопрос куда более серьёзный, а интуиция... Интуиция промолчала.

– Ты же поедешь через проспект Европейцев? Высади меня около районной службы регистрации, знаешь, такое красное здание на востоке.

– Знаю, – кивнул водитель. – Договорились.

Мы пролетели широкую арку, обозначающую границу города, снизили скорость до пятидесяти километров в час и поплыли на третьем ярусе машин. Служба регистрации находилась в красном пирамидальном здании, окружённом тополиным сквериком. Площадки для посадки, как обычно, около здания были заняты, за исключением аварийных, поэтому Серафим высадил меня на крышу ближайшей шестиэтажки.

– Счастлива тебе, мертвяк! – с ухмылкой проговорил он на прощанье. – Ты уж извини за шокер, всякое бывает.

Я кивнул и молча подобрал сброшенные на тротуар вещи. Почему-то отвечать не захотелось.

Резво сбежал по внешней лесенке вниз, на входе показал охраннику запечатанное клеймо на ружье – хорошо, что после Шимака не пришлось разрывать пакет – и зашагал к пирамидальному зданию. В городе днём ранее прошёл лёгкий дождь, дышалось на удивление свежо и заводской пыли не чувствовалось. В сквере небольшими группами стоял разношёрстый народ – северные иаски, темнокожие деннийцы с южного материка, фарсиязычные мигранты всех мастей и даже пара кеолранцев. Кабинок для сканирования в летние месяцы всегда не хватало, потому очереди здесь были приличные.

Мне был нужен другой вход, для коренных горожан, потерявших регистрационный УНИ. Таких в последнее время становилось всё меньше и меньше: снова входила в моду имплантация идентификаторов, и потому с обратной стороны здания очередей не было. Я прошёл пару шагов, чтобы обойти здание, как вдруг буквально в метре от меня на брусчатку резко приземлился средних размеров сферолёт с мигалкой. Меня отшатнуло в сторону, я еле удержал равновесие, чтобы не упасть.

Сферолёт был с эмблемой службы регистрации Средополиса – степной игуаной, обвивающей хвостом сканер для карточек. Я заметил, как народ удивлённо смотрит на фургон и шепчется, и лишь когда открылись створки, стало ясно, почему.

Два офицера службы регистрации вывели на улицу две странные фигуры в комбинезонах с капюшонами, закрывающих лицо. Одну ростом с меня и полную, одну меньше, со странным прозрачным пузырьком на животе. Лишь разглядев содержимое пузыря, я понял, что передо мной не люди. Мрисса. В пузыре плавал головастик – белёсое, полупрозрачное и покрытое красными жабрами существо. Младенец аборигенов, вылупившийся из большой, «главной» икринки всего парой недель назад.

Мрисса я видел живьём около пяти раз, и почти все разы – именно у таких миграционных центров. Последний раз я видел головастиков шестью годами ранее, и, к своему удивлению, не нашёл в этом ничего отталкивающего. Увиденное скорее завораживало, притягивало странным чувством хрупкости и инородности.

То же чувство было и сейчас. Наверное, забота о детёнышах – это те базовые инстинкты, что объединяют все разумные расы, какие есть в системе, будь ты амфибия или примат.

Офицер крикнул толпе:

– Чего стоим? Расступились, дорогу!

Отец – а нёс инкубатор точно он, ведь мужские особи у них меньше ростом – поспешно прикрыл пузырь от солнца веером и раскачивающейся «утиной» походкой зашагал к выходу, пробормотав что-то супруге на своём булькающем наречии. Да, тяжело им живётся в каменных джунглях – дольше четырёх часов они не могут обходиться без водных процедур, и даже самые современные комбинезоны не спасают от кожных болезней городской среды. Наверняка это были какие-то высокопоставленные послы, или культурные эмиссары – иначе бы вряд ли им воздавались такие почести.

Впрочем, к аборигенам власти относятся достаточно уважительно последние триста лет. После попытки захвата территории Заповедника Собиратели напомнили вчерашним земля-

нам, что они всё ещё существуют, и что законы совместного проживания стоит уважать. Два крупных землетрясения случилось именно на местах дислокации группировки войск, а три грозы с ураганами разрушили командные пункты в западной части страны.

По слухам, точно такие же катастрофы случались во время Малого Средневековья, когда какая-либо страна пыталась испытать ядерное оружие. Именно поэтому ядерная бомба над городом взорвалась только один раз, в далёкой южной Бриззе, раздираемой феодальной войной. После чего все ядерные арсеналы таинственным образом исчезли.

Да и месторождений урана и прочей гадости на Рутее практически не было.

Две фигуры скрылись в служебных воротах, а я продолжил стоять и очнулся только спустя пару минут. После встречи с аборигенами интуиция странным образом проснулась. Я вдруг почувствовал лёгкую тревогу и понял, что показываться властям небезопасно. Развернулся и пошёл по проспекту в сторону своей квартиры.

* * *

«Сферополе (квазигравитонная плазма) – особое состояние вещества. В разные моменты времени обладает свойствами глазмы, пылевой плазмы и аморфного тела (...) Имеет вид полого шара с диаметром в ρ_i / α (примерно 430,51129) превышающим толщину стенки. Экспериментально-достигнутые размеры сферополя колеблется от 0,1 до 650 м, толщина стенки (...)

Важнейшим свойством сферополя является возможность менять вес заключённого в него объекта, обеспечивая антигравитационный эффект. Открытие (по другим данным – получение технологии извне) сферополя, совпавшее с Переносом планет, позволили человечеству освоить новый экономичный способ передвижения – сферотранспорт. В настоящее время технология создания сферодвижителей является государственной тайной Рутенийской Директории и Соединённых Королевств Амирланиши. Де-факта также ею располагает правительство Югроси, однако полного цикла производства ими так и не достигнуто».

(из любого школьного учебника по натуралистике).

* * *

Несмотря на наличие удобного и дешёвого общественного транспорта, в городах я предпочитал ходить пешком. К тому же, центральная часть Средополиса строилась достаточно компактной – от восточной башни до западной можно было дойти за часа полтора. Жилые небоскрёбы, в четыре ряда натканные по периметру, прикрывали сердце города, малоэтажный центр, где над квадратным парком на берегу реки возвышался самый древний архитектурный памятник в субдиректории. Двухсотметровая, частично разобранная решетчатая полусфера блестела в лучах июльского солнца. Под ней располагались два сохранившихся барака, в которых теперь находился музей Земной России, Исторический сквер и скромное здание правления субдиректории.

Я прошагал мимо массивного, в три метра толщиной обруча, уходящего глубоко под землю, и в очередной раз привычно посмотрел наверх, на остатки командного отсека. В детстве я никак не мог поверить, что эта странная конструкция когда-то была корпусом межпланетного сферолёта «Екатеринбург». Того самого, что преодолел миллионы километров и принес с Земли пятую на планете и вторую в стране партии колонистов, после чего совершил ещё два десятка полётов, перевезя в общей сложности двести пятьдесят тысяч человек. Сейчас

это казалось чем-то простым и естественным, и детский восторг и трепет куда-то бесследно исчезли.

Гораздо интереснее мне было узнать, что за три года стало с моей жилплощадью.

Эту трёхкомнатную квартиру в западной части города я купил ещё лет семь назад. Мать к тому времени нашу старую квартиру продала и переехала в Скомлу, к двоюродной сестре. Пенсия ветерана труда и поддержка многочисленных довоенных подруг позволяли безбедно и нескучно существовать. Иногда мне казалось, что она даже не особо скучает по сыну, хотя, конечно, это было не так. Так или иначе, на новую квартиру пришлось копить самому.

Когда мне осточертел городской быт и низкие заработки, я сдал квартиру своему дальнему родственнику, Леониду Рутеину, приходящемуся мне троюродным племянником, и стал батраком.

Подойдя по тонким улочкам к родной двадцатипятиэтажке, зажатой между двумя такими же, я развернул свой терминал и попытался сделать квартиранту видеозвонок. Абонент молчал. На всякий случай написал сообщение: «Ты где? Я приехал в Средополис».

Леонид был музыкантом. В свои тридцать лет он выступал один и в разных дуэтах по всему Средополису, но большой популярности так и не сыскал – боевая «музыка свинца», которую он исполнял, в последние мирные годы снова была в упадке. От творческих людей можно ожидать что угодно, поэтому я мысленно приготовился к худшему. Я, конечно, несколько раз за время отсутствия просил Леонида показать через видеотелефон состояние моей квартиры, но одно дело – видеть то, что тебе показывают в камеру, и совсем другое – увидеть всё своими глазами.

Поднялся на лифте на одиннадцатый этаж. Навстречу в лифт вошла высокая девушка, в ней я с трудом узнал соседскую дочь, которую помнил ещё двенадцатилетним ребёнком. Вымахала, и даже не поздоровалась – наверное, тоже не узнала.

Видеокамера на входе успешно распознала моё лицо и выдала зелёный значок. Значит, местная база жильцов ещё не обновилась, и меня считают живым. Механический ключ вошёл в скважину – замки тоже не меняли, и это хорошо.

В холле царил беспорядок. Вешалка упала к стене, куртки, висящие на ней, валялись на полу. У помятой неубранной постели в комнате стояла пустая бутылка иасканского сакэ, на полу валялись носки, чёрные футболки, обёртки от сигар и другой мелочи. В ванной с усмешкой я обнаружил пару кружевных женских трусиков. Похоже, времени даром Леонид не терял.

На кухонном столе и в раковине валялась куча невымытой посуды и упаковок от еды. В холодильнике ничего, кроме таких же упаковок «быстрых обедов» и палки колбасы, не оказалось. Такое чувство, что квартирант почти не жил здесь, приходил только перекусить и поспать – одному или с женщиной.

Жадно напился холодной воды из чайника и зашёл в комнату, которую использовал как склад для своих вещей. Просмотрел свёртки, полки со старыми книгами – в этой комнате беспорядка не было, всё стояло на своих местах, только на диване лежал длинный узкий чехол с каким-то инструментом.

Из любопытства я осторожно приоткрыл чехол – внутри оказался девятиструнный стик, судя по блеску фурнитуры и струнам, купленный буквально несколько дней тому назад. Я плохо разбираюсь в инструментах и почти не умел играть, но одного взгляда было достаточно, чтобы сказать – «палка» стояла целое состояние. Позолоченные колки, графитовые накладки на грифе, сложные звукосниматели и посеребренные струны. Ещё в чехле лежали шнурок и процессор. Судя по иероглифам на боку, производства не то Кеолры, не то Иаскана.

Осторожно закрыл чехол и присел рядом. Неужели Леонид столь разбогател, что смог купить такое сокровище? Или он украл его где-то?

Голод напомнил о себе – последний раз я поел в конзанской кафешке в Шимаке, прошло больше семи часов, и живот начинало крутить. Есть быстрорастворимую дрянь я не хотел, и потому решил подняться на последний этаж, где был небольшой продуктовый магазин.

Вышел из квартиры. У лифта стояли два человека в длинных балахонах, похожих на церковные. Я повернулся, чтобы закрыть дверь, и краем глаза заметил, как один из них пошёл в мою сторону.

Рефлексы не сработали. В шею впиалась игла, я едва успел повернуться, как сознание померкло.

* * *

Смешно, но первая мысль, которая пришла в голову, когда я очнулся – что пожрать нормально не получится. И что лучше было заказать доставку, хоть это и выходит чуть дороже.

Я сидел в холле привязанный к стулу. Напротив сидели двое – один парень в белом балахоне священника, и полноватый лысый мужчина лет шестидесяти, одетый в тёмную рубашку. У двери стоял второй парень в балахоне – тот самый, что ударил меня.

Лысый улыбнулся – удивительно, какая добрая и искренняя у него получилась улыбка. Будут убивать, подумалось мне, но я тут же успокоил себя – раз сразу не убили, то, скорее всего, не убьют после. Мы же живём не в дешёвом боевике, в котором главный злодей толкает длинную речь перед тем, как прикончить жертву.

– Я забыл, как называется синдикат? – решил я начать разговор. – В новостях говорили, но...

– Это не важно, – сказал человек в рубашке. – Синдикат называется «Степные волки», но это пока не важно. По сути, мы из организации более серьёзной.

– Из правления Рутенийской Директории, наверное? – съязвил я.

– Ты близок к истине, – кивнул лысый. – По сути своей, всё именно так. Но перед тем, как мы расскажем тебе всю суть, мне хотелось бы обрисовать нынешнюю ситуацию и предложить тебе выбор. По сути, так получилось – ты уж извини, решение сверху – что человек по имени Антон Этоллин уже мёртв. Юридически. Нет ни счетов, ни записей в баз данных, все учётные записи в сети тоже скоро исчезнут. Наследников у тебя нет, ближайшие родственники в жилплощади не нуждаются, квартира переходит в собственность Директории.

Я присвистнул. Вспомнились слова водителя, подвозившего меня. Как говорится, в каждой шутке есть доля шутки...

– Но физически ты жив, – словно опровергая мои мысли, продолжил Лысый. – Мы предлагаем выбор – закончить начатое системой и умереть честным, законопослушным человеком. Либо – остаться живым, под другим именем и заниматься вещами, которые мало соотносятся с понятиями о чести и нравственности. В том числе, возможно, убивать мирных людей. Возможно – временно.

– Вы вербуете меня в мафию? – догадался я. – Так кто вы, всё же? Синдикат? Или власти?

– Понимаешь, дружище... Я сразу скажу тебе правду, потому что тебе предстоит это узнать. Мы и то, и другое. Мы работаем на один из департаментов центрального Директората. Департамента секретного. Этот департамент потратил огромные силы на то, чтобы подчинить себе все конзанские и прочие преступные группировки. Они теперь входят в организационную структуру Директории, являются её частью...

– Преступники?! – рассмеялся я. – Как такое может быть?

– Подобное было всегда, – резко ответил лысый. – Было и в Средневековье после разрыва отношений с Землёй, было, если верить истории и легендам, кое-где и на самой Земле.

Мафия подчиняется правительству, находится под его контролем. Лучше иметь управляемого внутреннего врага, управляемых санитаров, чем горстку неуправляемых отморожков.

– Хорошо, но я какое имею дело до всего этого?

– Ты убил Стояна Сиднеина. Очень важного человека. Мы долго организовывали его побег, чтобы он вернулся в подполье, это была очень сложная операция. Он очень нужен на воле. Он был авторитетным человеком, его боятся и в мафии, и во властных кругах – идеальный внутренний враг. Кроме того, если наши братья узнают о том, что его побег не удался, то доверие к отцам упадёт... Региональные группировки могут выйти из-под контроля.

– Вы предлагаете мне занять его место?

– Выходит, так. Но не совсем тебе. Всё же, оставались люди, которые помнят, как он выглядел, и даже после пластических операций будет сложно скрыть подмену. Мы пустим новый слух. Дадим тебе новых людей. И выделим тебе новое место для работы. На востоке – скажем, что сам решил уйти. Куда никто не доберётся, но где, в то же время, имя Стояна Синдеина будет очень кстати. Что точно за место, и что за работа – сообщим позже.

– Или?..

Лысый кивнул сидящему рядом «монаху». Тот молча достал из-под накидки шприц с какой-то серой жидкостью.

– Или мы сделаем тебе инъекцию яда, ты безболезненно умрёшь, а потом мы избавимся от тела. Стрелять – это слишком грубо.

Я кивнул и задумался. Возможно, могло показаться, что я паясничаю, наигранно изображаю сомнение, но я действительно тогда задумался.

Смогу ли. Хватит ли воли. Не лучше ли сразу?

А вдруг они блефуют? Вдруг пугают? Ведь если это правительственная структура, то у них есть много вариантов того, что можно сделать вместо убийства – изолировать, перепрошить...

Руками за спиной я нащупал верёвку. Привязан я был хорошо, но в армии нас учили освобождаться из подобных пут. Вспомнилось учебное видео, в которой привязанному к стулу десантнику удавалось освободиться и оглушить двух следивших за ним солдат. Я осмотрелся и мысленно прикинул, построил «сцену», как подобное можно проверить тут.

Всё получилась, сцена подходила, но за одним маленьким исключением. На видео противников было двое. А тут – трое.

Я не стал рисковать.

– Сколько думать?

– Несколько минут. Времени мало. Нет, конечно, если у тебя есть какие-то убеждения, что-то, что однозначно запрещает тебе... Я так и не понял, ты верующий?

– Верующий, – хмуро кивнул я. – Только о своих религиозных убеждениях не рассказывал даже жене и близким друзьям. Не скажу и сейчас.

Это была правда. Лысый с пониманием кивнул.

– Это хорошо. И твоя вера не позволяет тебе убивать невинных, торговать наркотиками и прочее? Тогда выбирай первый вариант, со шприцем. Это будет разумно.

Я усмехнулся.

– А что, серьёзно, были такие, кто отказывался от предложенного сотрудничества?

– Ну, таких случаев, как у тебя, не так много. Лично я – не сталкивался. Обычно безработные люди, знающие о структуре синдикатов, сами идут на контакт. Вербовать приходится очень редко. И уж тем более редки случаи, когда вербуемому предоставляют выбор, прости за пафос, между жизнью и смертью. Ну, так что?

– Эх, – я плюнул на пол. – Сами знаете, ублюдки. Я согласен, что теперь? Лишь человек, которому нечего терять, выбрал бы смерть.

Сидящий рядом с ним «монах» молча поднялся и стал развязывать меня. Полковник повернулся к стоящему у двери.

– Радик, ты очистил записи дверного авторизатора?

– Да, – пробасил тот.

– Готовь мешок, – лысый снова повернулся ко мне. – Будешь у нас трупом. В смысле, вынесем тебя из дома как труп, в мешке. Под видом ритуального департамента, сферолёт у нас на крыше. А перед этим ты покажешь, какие из вещей ты сюда принёс.

– Я ещё толком не распаковался. Даже толком не пожрал. Сумка, ружьё и сферобайк лежат в комнате.

Я смог подняться со стула и размял конечности. Живот крутило нещадно. Грешным делом подумал о побеге, но куда теперь бежать? Если синдикаты входят в состав Директории, то они достанут меня везде, и бежать надо даже не за границу.

Разве что с планеты.

– Сферобайк с ружьём вынесу я, – отозвался полковник. – Их придётся выбросить. Сумку заберём.

– Чёрт, ну можно хоть пожрать? – не выдержал я. – Там в холодильнике есть колбаса...

– Радик, освободи ему одну руку и дай ему концентрат. Ты точно не виделся с квартирантом или кем-то ещё из знакомых?

– Нет, – сказал я, умолчав про сообщение в сети и поход в магазин. Жадно набросился на протянутые маслянистые таблетки. Последний раз я ел такую гадость, кажется, только в армии. – Что будет с Леонидом?

– Его выселят, мы будем за ним следить. Если не будет суетиться, оставим в живых, если что-то заподозрит... Сам понимаешь. А теперь полезай в мешок. Да, я забыл представиться – меня зовут Майк. Майк Фарвоздин.

Он наклонился над мешком и застегнул пластиковую молнию почти до самого конца, оставив узкую дырочку для воздуха где-то над лбом. Стало темно. Какое-то время я слышал разные звуки, чувствовал, как меня подняли и понесли из квартиры по лестнице, но скоро я не выдержал и погрузился в сон.

Кто-то очень мудрый давно сказал, что лучший способ выйти из сложной ситуации – уснуть.

Глава 5. Монастырь

Проснувшись, я обнаружил себя полусидящим на заднем кресле сферолёта. Мешок был растёгнут до груди, но руки всё ещё были не свободны – видимо, меня передвинули во время полёта. Огляделся – я сидел в семиместном сферолёте марки «Алконост». Новая модель, очень дорогая, почти военная – такие оборудованы реактивными компенсаторами, поэтому рекреации практически не ощутимы. Только душно очень. Спереди в центральном кресле сидел Радик, по бокам – его напарник, чьё имя я так и не спросил, и Майк. Судя по ощущениям, я спал не меньше трёх-четырёх часов.

Снаружи было темно, видимость была почти нулевой. Накрапывал дождь, рассыпаясь двумя веерами на пути сферолёта, а над приборной панелью горела навигационная карта местности. Мы двигались на низкой высоте над степью, вдалеке от оживлённых трасс. Впереди виднелись какие-то горы – какие, я понял не сразу, но точно не Новоуралье.

– Я проснулся. Может, растегнёте уже этот мешок и расскажете, куда мы летим?

Майк обернулся и дал знак. Сидящий слева от пилота поднялся, прошёл между сиденьями и помог мне освободиться. У него был некрасивый, плохо залеченный ожог на шее, видимо, от импульсника. Лицо его мне показалось знакомым.

– Как тебя звать? – спросил я, разминая ладони.

– Артур.

Я вспомнил, где я видел Артура раньше – он был одним из репортёров, снимавших меня на ферме после налёта Стояна и его поделщиков.

– Мы везём тебя на перешеек, – отозвался Майк. – На нашу базу. Там мы обрисуем ход дел и отправим к месту работы.

– Куда?

– В восточные субдиректории.

Дальше летели молча. Летели долго – ещё часа два.

А я сидел и думал. На душе было паршиво. Не столько от мыслей о своей судьбе и о том, какими паршивыми вещами мне предстоит вскоре заниматься, сколько от чувства, что всё пошло не по плану. Наперекосьяк. Думал и о матери, о немногочисленных друзьях и родственниках, которые теперь будут думать, что я погиб. О Леониде, который может наделать глупостей и умереть по-настоящему.

Успокаивала мысль о том, что я от пути практически не отклонился – меня собираются отправить как раз туда, куда я и хотел направиться самостоятельно. Более того, нахождение в синдикате, причём в его верхушке, открывает новые возможности. Возможно, здесь что-то знают про таинственные исчезновения людей, и мне удастся разгадать тот таинственный список. Только удастся ли потом оттуда уйти во владения мрисса? И оправдает ли цель средства?

Дождь вскоре кончился, за тучами показался Лунар – крупнейший спутник Рутеи, ярко-жёлтый, как яичница. Есть ещё крохотная Сонора, которая вращается на более далёкой орбите и которую сложнее заметить невооружённым глазом. Земная Луна крупнее Лунара, но её орбита дальше, из-за чего круг нашего спутника кажется крупнее. В детстве мне рассказывали страшные байки про то, что на спутниках есть земные базы, с которых в любой момент могут прилететь ракеты со страшным древним оружием, уничтожающим всё живое. Никто не знал, есть ли сейчас, в эпоху развитого сферотранспорта, какие-то колонии на спутниках.

Может, спецслужбам и действительно было известно чуть больше, чем нам, простым смертным, но я никогда не интересовался этим. К тому же, сейчас волновало совсем другое.

Мы свернули и полетели южнее, к побережью перешейка.

– База в Дальноморске? – прервал я молчание.

– В пятидесяти километрах, – ответил Радик, обернулся и зачем-то принялся. – На побережье. В обители обезьяньих раскольников.

Я мысленно выругался. Не люблю монастыри. Ещё до Александрита-пять мне приходилось работать несколько месяцев в одном из храмовых комплексов секты Четвёртой Планеты. Это было жуткое заведение – адепты верили в существование на планете Скрадо, следующей за Дарзитом, расы великанов-полубогов. Якобы, они уже уничтожили жизнь на Земле, следят за нами из космоса и готовы устроить кровавый апокалипсис в случае, если люди не перестанут употреблять мясо зверей и пить спиртное. Сферотранспорт они также почитали изобретением «от лукавого» и пользовались исключительно электровозами, которые из-за ветхости ломались если не ежедневно, то с завидным постоянством. Я сбежал оттуда через два месяца, устав от вегетарианской пищи и жестоких правил.

Про обезьяньих раскольников я знал не так много. Слышал, что они откололись от единой церкви креационистов, заявив о том, что на Рутее была допущена ошибка в божьем промысле. Высшей формой жизни стали не приматы, как на Земле, а амфибии – мрисса. По мнению сектантов, обезьян следует довести до разумного состояния самостоятельно и вывести новую расу, которая придёт на смену людям и мрисса.

Тонкостей я не знал и встречи с адептами, прямо скажем, опасался. Не люблю фанатиков, особенно связанных с синдикатами.

Впрочем – в моём ли положении чего-то бояться? На тот момент казалось, что худшее уже произошло.

Мы зашли на посадку настолько быстро и неожиданно, что я не успел рассмотреть храмовый комплекс как следует.

– Помалкивай, – посоветовал Майк, выбираясь из сферолёта. – Среди монахов осведомлены не все. Сейчас поешь и ляжешь спать, займёмся тобой с утра.

Мы сели на внутреннем дворе, с трёх сторон возвышались белоснежные каменные стены с башнями, с третьей был невысокий забор. У одной из стен была решётчатая секция, за которой виднелись десятки светящихся глаз и слышались приглушённые крики. Обезьяны, как же. Было бы странно их тут не встретить.

Из подъезда к нам поспешили два монаха в таких же белых одеяниях, как на Артуре и Радике. Один был конзанцем, а второй оказался мулат. Я не удивился – в Приморской субдиректории всегда было много приехавших из южных колоний.

– Мы привели вам нового адепта, – сказал Майк, похлопав меня по плечу, словно показывая собравшимся товар. – Это заблудившийся бродяга, подобранный у Средополиса.

Лысый конзанец с пониманием кивнул, а мулат, нахмурившись, вышел вперёд.

– Нам не нужны бродяги и бездельники. Мы ценим вашу финансовую поддержку, Майк, но вы должны понимать, что не каждый...

– Грегор, не кипятись, – пробасил Радик. – Ведь нашей церкви требуются новые миссионеры в Восточной и Сиянь-градской субдиректориях. Скоро мы соберём команду и отправимся туда.

– Но вдруг он преступник! – продолжал мулат. – Мы уже один раз приютили преступников, и что из этого вышло?

Конзанец, стоявший рядом с негром, потащил его за локоть обратно ко входу.

– Настоятель уже в курсе, – сказал Майк вдогонку. – Долго Антон здесь не задержится.

Мы сходили до уборных и прошли в столовую, мрачную и пустую. Полный повар бросил нам в тарелки какой-то подгоревшей каши и дал стеклянные стаканы с травяным чаем. Сели за длинный общий стол, я жадно набросился на еду, попутно оглядываясь вокруг. Мои пленители ели размеренно и спокойно.

– Такое чувство, что здесь вообще нет цифровой техники.

– Ага, – оскалился Артур. – Максимум, что есть – электроплиты, холодильники и осветительные приборы. Всё остальное – от лукавого.

– И в таком состоянии нам придётся работать?

– Ничего, ты здесь пробудешь недолго, – успокоил меня Майк. – Это второй по величине монастырь культа, и далеко не все адепты входят в синдикат. Здесь много настоящих фанатиков. Все более мелкие подразделения давно входят в нашу юрисдикцию. Это удобно – религиозные учреждения вызывают меньше подозрений. Доедай, завтра пройдем некоторые формальности и ознакомишься со структурой. Твоя келья на втором этаже.

В коридоре меня встретил мулат. Хмурясь, бросил мне:

– Отдельная келья? Да ты тёмная лошадка, нищий.

– Я не нищий, – я остановился, злясь. – Ещё вчера у меня было всё. Я ни в чём не виноват, что судьба занесла меня сюда.

– У тебя много тайн. Ну, хочешь ты, или нет, но обряд посвящения ты обязан будешь пройти, как и все остальные, – процедил он сквозь зубы и удалился.

Я настолько сильно хотел спать, что даже не стал его расспрашивать, что он имел в виду. Чуть позже возникла мысль – а не попросить ли его помочь с побегом? Но разум возобладал. Вероятность, что от такой влиятельной организации получится сбежать, была небольшой. Зашёл в келью, приставил стул к двери – чтобы услышать, если кто-то зайдёт, и завалился на койку.

* * *

«...Ибо сказано было – плодитесь и размножайтесь, и твари, подобные земным будут на любой планете, в любом уголке солнечной системы, и созданы они будут вам на потеху и для пропитания;

И будут на других планетах иные твари разумные, одни – с пёсыми головами, другие с лисьими хвостами, третьи с исполинским ростом, третьи с лягушачьим языком;

И есть таких тварей, даже если не ядовиты они, не след, ибо разумны они, и плохо сие, подобно поеданию друг друга; и брать в жёны и мужья их не след, ибо подобно это скотоложству;

И не будет среди них равных вам, ибо человек – венец творения, а кои попытаются быть равными вам или выше вас – то от лукавого, и покарает человечье оружие тех тварей за насмешку над великим замыслом;

И станут те твари говорить на незнакомых языках, незнакомым способом, плодиться и размножаться, рожать потомство путём деления, вылупления из яиц или метания икры, и нет в том печали и злого умысла...»

(Из всё тех же апокрифических трактатов многочисленных сект Малого Средневековья).

* * *

Проснулся я под утро, часа в четыре, от того, что кто-то постучал в моё окно. Протрав глаза, я обнаружил на внешнем карнизе крупного самца степной мартышки. Увидев моё пробуждение, мартышка торопливо забегала взад-вперёд, протягивая тонкие ручонки к форточке. Видимо, приучены здесь получать угощения от всех подряд.

Вспомнилось, как в детстве, в сельском квартале у бабушки мы прикармливали их. Кусаются они не хуже кошек и мелких собак, что не мешало некоторым из знакомых содержать мартышек как домашних питомцев.

– Иди, нету у меня ничего, – пробормотал я, махнув рукой. Мартышка всё поняла и убежала.

Окна выходили на восток. В паре километров к югу виднелось море, от ограды монастыря вниз на побережье вела грунтовая дорога. Рассвет уже забрезжил на горизонте, выше висела жёлто-зелёный кружок планеты Дарзит, готовый скрыться от моих глаз в зените. Я мог ещё долго наблюдать за вращением небесных сфер, но вдруг заметил на прикроватной тумбочке стерео-очки визио-программатора.

«Визик» – аппарат, изобретённый полвека назад, позволял быстро записать в мозг большой объём информации – текстовой, графической и даже двигательной. Его применяли теперь даже в учебных заведениях, в частности, для обучения вождению. Когда я входил вечером, этих очков не было на месте, – получается, принесли ночью. Стул у двери не помог, то ли я так крепко спал, то ли «монахи» были обучены бесшумной ходьбе. Получается, они могли во сне сделать со мной всё, что угодно, но почему-то не сделали. Боятся? Неужели я действительно так нужен им? Размышлять об этом не хотелось, я, недолго думая, нацепил очки, прикрепил электроды на виски и приступил к просмотру.

Там были документы про синдикаты. Сжатые, ясные данные – не больше и не меньше того, что я должен был знать. Фотографии, имена и клички главарей и «братьев», явочные квартиры, склады проносились перед глазами, как в безумном калейдоскопе.

Перед глазами возникла большую схему. Получалось, что Майк Фарвоздин – второе или третье лицо в синдикате, а я, то есть Стоян Сиднеин – четвёртое или пятое. Такой высокий уровень в иерархии подразумевал высокий доступ к секретной информации. Всего в организации состояло более четырёх тысяч «братьев», запомнить всех из которых не представлялось возможным. Над всей организацией, в верхушке схемы был ещё некий «Верховный Отец», но кто он, мне не было известно – вместо фотографии на схеме был изображён лишь чёрный силуэт. Про связь с властями Директории не говорилось – и это логично, знать это рядовому «брату» было совсем не обязательно.

Имелась и карта «зон ответственности» синдикатов. Зона «Степных волков» занимала половину Уктусской субдиректории, весь перешеек и простиралась дальше, в восточные земли, где пересекалась с зонами ещё двух преступных сообществ. На северо-востоке, в Сиянь-градской субдиректории, главенствовали «Мастодонты», а на границе с Заповедником мрисса – «Горные тритоны». Про них говорилось очень мало, обзор сразу перескочил к страницам с заголовком «Деятельность».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.